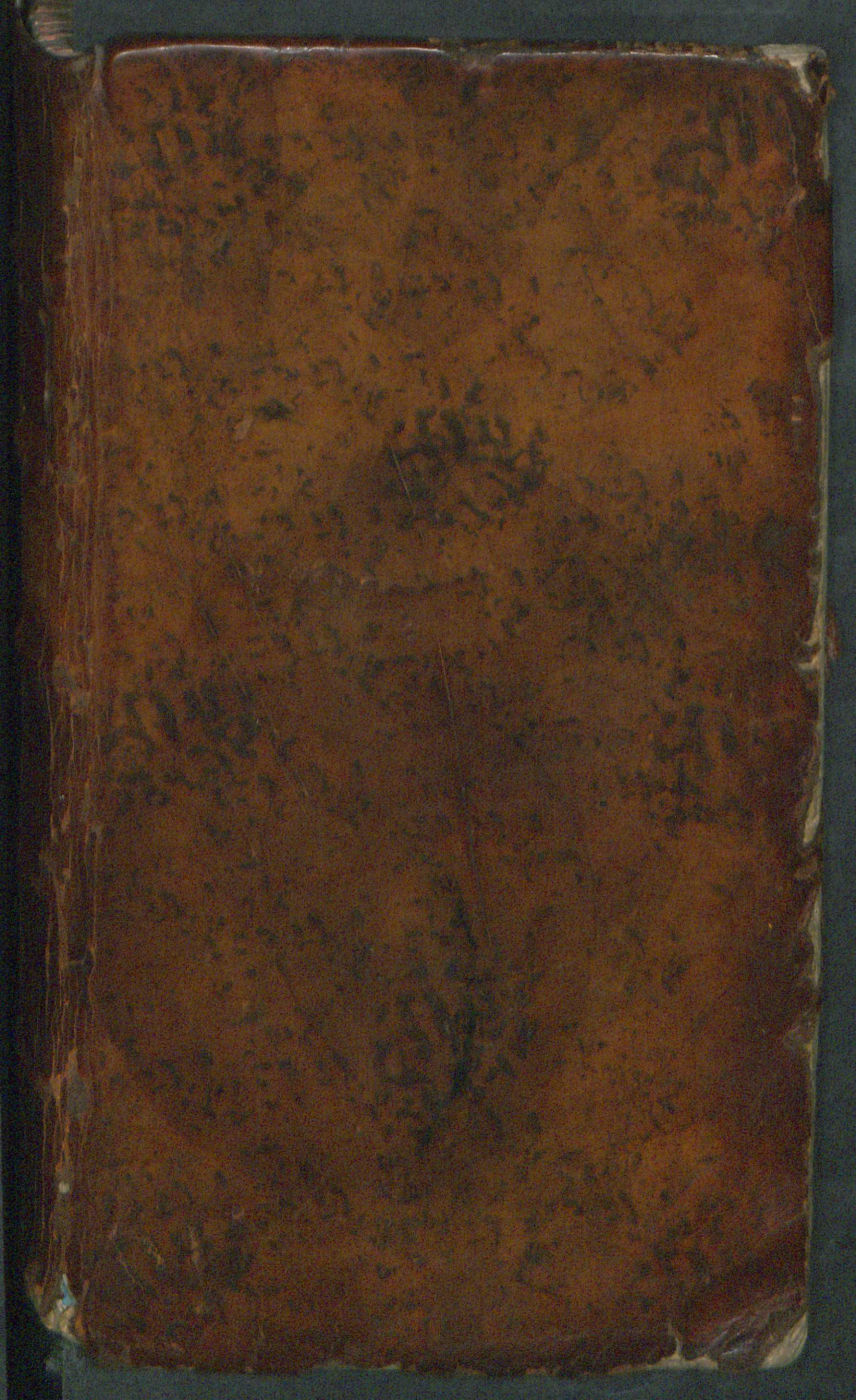

ТЫСЯЧА
И
ОДНА
ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА,
ПОВѢСТИ
ТАТАРСКІЯ.

Частъ перпая.

Переведены
съ
Французскаго.

Печатаны при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ вторымъ тисненіемъ, 1777 года.

М. Грибовъ
11 Октябр 1904

ТЫСЯЧА
И
ОДНА
ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА,
ПОВѢСТИ ТАТАРСКІЯ.

* * *

Некоторой Дервишъ, (*) живущей въ пустыни близъ (**) Астрахани, возвращаясь одинимъ вечеромъ съ рыбной ловли по

 бере-

(*) Дервиши называются Магометанскіе монахи; они притворяютъ себя тихими, смиренными, терпѣливыми и человѣколюбивыми; ходятъ всегда босикомъ и открывши грудь; а нѣкоторые для показанія своего терпѣнія, жгутъ себя горячимъ желѣзомъ, и живутъ въ нищетѣ, цѣломудріи и послушаніи. Естьли же для своего содержанія имѣютъ какую либо необходимость; то позволеніе имѣютъ и изъ монастыря выходить; иные же изъ нихъ живутъ въ пустыняхъ такъ почти, какъ и наши пустынники.

(**) Астрахань есть столица Астраханской провинціи, на границахъ пустой Татаріи

берегу рѣки Волги, и вошедъ въ здѣланную для себя землянку, весьма удивился, увидя въ оной младенца совсѣмъ нагаго, котораго взявъ онъ къ себѣ на руки, тотчасъ побѣжалъ сказать о семъ приключенiи Астраханскому портному, именемъ Курбану, отъ котораго обыкновенно онъ часто милостыню получалъ.

Какъ сего портнаго жена наканунѣ того, родила было дочь, которая однакожъ въ тотъ же почти часъ и умерла; то она сего младенца стала кормить своею грудью, и позабывъ, такъ сказать, родную свою дочь, все свое попеченiе обратила

рiи около устья рѣки Волги на Каспiйскомъ морѣ. По своему положенiю, которое смежно съ Азiею и Европою, имѣетъ въ себѣ великой торгъ.

братила къ сему младенцу, которому дала имя Шемсъ-Эддинъ.

Не имѣя у себя около пятнатцати лѣтъ дѣтей, она весьма горячо любила Шемсъ-Эддина, а сей ребенокъ, почитая себя ихъ сыномъ, соотвѣтствовалъ имъ почтенiемъ и преданностiю своею, которая еще больше любовь ихъ умножала. Когда же сталъ онъ приходить въ возрастъ, то сколько ни имѣлъ охоты къ оружiю, однако желанiе Курбаново принуждало его учиться портному мастерству; и меньше двухъ лѣтъ такъ совершенно онъ тому выучился, что не снимая съ человѣка мѣрки, но только съ одного взгляду могъ здѣлать такое платье, какбы и самой лучшей въ Астрахани портной.

Искусство и мастерство Шемсъ-Эддиново по городу весьма скоро прославилось, и никто хорошо одѣтымъ себя не почиталъ, естьли платье не ево шитья было; а особливо женщины пользовались имъ и безвѣдома мужей своихъ; потому что онъ издали поглядя на нихъ, могъ здѣлать чрезъ четыре дни такое платье, какое ему приказано будетъ.

Какъ нѣкогда сей молодой портной былъ въ своей лавкѣ, то подошедъ къ нему старуха, желала съ нимъ поговорить наединѣ. Государь мой, сказала она ему, можете ли вы со мною сей часъ итти, чтобъ здѣлать платье двумъ наипрекраснѣйшимъ въ Астрахани госпожамъ. Шемсъ-Эддинъ немедленно обѣщался за нею итти; однако, отвѣчала старуха, съ такимъ

кимъ притомъ уговоромъ, чтобъ тебѣ глаза̀ завязать, а безъ того мнѣ не льзя тебя вести съ собою. Шемсъ-Эддинъ такому предложенію удивился, но лучше отваживаясь на все, нежели чтобъ пропустить случай видѣть сихъ двухъ красавицъ, пошелъ не медля за старухою, которая приведши его въ не большой домъ въ Астраханскомъ предмѣстіи, ввела его въ нижнюю залу, и вынувъ шелковой шитой золотомъ платокъ, отдала его двумъ чернымъ невольникамъ, у которыхъ были въ рукахъ обнаженныя сабли, чтобъ они ему тѣмъ глаза̀ завязали, и повели въ назначенное мѣсто; а ежели же онъ хотя мало любопытствовать будетъ, чтобъ видѣть по какой его дорогѣ ведутъ, чтобъ неотмѣнно голову ему срубили.

Сей приказъ молодаго портнаго испугалъ было, но старуха ему сказала: не бойся ничего, естьли только ты будешь уменъ и скроменъ, то нѣчего тебѣ опасаться; сіи обѣщанія нѣсколько его ободрили; онъ далъ себѣ завязать глаза̀, и шелъ такимъ образомъ около часа, послѣ чего какъ невольники ему глаза̀ развязали, увидѣлъ онъ себя въ пребогатоубранной залѣ, въ которой горѣло больше ста восковыхъ свѣчь.

По концѣ залы стоялъ изъ золота здѣланной тронъ, на которомъ сидѣли три женщины, покрытыя покрываломъ; однако и сквозь оное легко можно было видѣть, что одной изъ нихъ, которая хотя и весьма прекрасна, около сорока лѣтъ было, и что ничего натура столь прекраснѣе и совершеннѣе

нѣе не сотворила, какъ двухъ другихъ, которымъ казалось и осмьнатцати лѣтъ еще не было. Великое число невольницъ равномѣрно же въ покрывалахъ стоящихъ, по обѣимъ сторонамъ трона, наблюдали глубокое молчаніе, и съ почтеніемъ ожидали повелѣнія сихъ трехъ госпожъ.

Давъ же время разсмотрѣть портному толикое великолѣпіе, одна изъ нихъ, которая казалась быть постарѣе, вставъ съ трона, говорила ему: Шемсъ-Эддинъ, слава твоя побудила наше любопытство. Въ Астрахани о твоемъ искусствѣ сказываютъ удивительныя дѣла, и мы хотимъ оное самимъ дѣломъ испытать: посмотри пристальнѣе на сихъ двухъ молодыхъ дѣвицъ, и можешь ли ты похвастать, чтобъ не снимая никакой

мѣрки, здѣлать имъ по платью хорошаго вкуса. Милостивая государыня, отвѣчалъ молодой портной, я всѣми силами стараться буду сохранить ту славу, которую я пріобрѣлъ нѣсколько по справедливости: я ихъ довольно разсмотрѣлъ, прикажите мнѣ выдать матерію, и вы довольны будете мною на сей же недѣлѣ.

Черные невольники повели тогда Шемсъ - Эддина въ другую залу, открыли ему сундуковъ съ дватцать, наполненныхъ пребогатыми изъ всего востока парчами, изъ которыхъ онъ взялъ столько, сколько ему надобно было на два платья. Потомъ глаза ему завязали, и опять отвели къ старухѣ, которая домой его проводила. Естьли ты хочешь быть щастливъ, говорила она ему, то не старайся изслѣ-

изслѣдывать гдѣ ты былъ, и для кого платье дѣлаешь; въ противномъ же случаѣ наималѣйшее развѣдываніе стоить будетъ твоего живота, но только старайся поскорѣе окончить данную тебѣ работу, а я въ назначенной срокъ по тебя приду, и поведу съ прежнимъ же уговоромъ къ тѣмъ госпожамъ.

Потомъ старуха съ Шемсъ-Эддиномъ простилась, а онъ, положивъ искусно свою парчу, легъ спать съ тѣмъ, чтобъ на самомъ разсвѣтѣ приняться за работу; однако во всю ночь и глазъ не могъ закрыть. Красота одной изъ двухъ женщинъ непрестанно въ умѣ его воображалась. Каріе глаза, которыхъ острота и сквозь покрывало была видна, столь сильно пронзили его сердце, что уже онъ

самъ былъ не свой. И такъ опять всталъ, засвѣтилъ свѣчу и нѣсколько смякнувшись, какимъ бы образомъ начать кроить. Такъ хорошо вздумалъ для красоты двухъ молодыхъ госпожъ, а особливо для той, которою уже онъ плѣнился, что совершенно надѣялся, что они его работою довольны будутъ, и продолжалъ свою работу съ крайнимъ прилѣжаніемъ. А какъ платье къ назначенному дню поспѣло, то старуха пришедъ къ нему, и взявъ его съ собою опять, отдала завязавъ ему глаза, въ руки двумъ чернымъ, которые также, какъ и прежде, водя его по городу, представили тремъ госпожамъ, сидящимъ на серебряномъ тронѣ.

Шемсъ-Эддинъ не успѣлъ еще своего платья развернуть, какъ уже начали хвалить хорошей его вкусъ.

Двѣ

двѣ госпожи, для которыхъ оное было здѣлано, пошли въ свою уборную съ четырью невольницами, а оттуда возвратились ужѐ въ залъ безъ покрываловъ и въ новыхъ платьяхъ тысячу разъ еще прекраснѣе (*) полнаго мѣсяца. Какъ скоро они показались, то всѣ невольницы забили въ ладоши, да и самъ молодой портной такъ былъ ослѣпленъ прелестьми той, которой посвятилъ свое сердце, что упалъ безъ памяти на софу, и отъ превеликаго веселія и сердечной радости едва было свѣту не лишился.

Да и подлинно красота сихъ госпожъ столь была неописанная, что развѣ только оную сравнить можно съ Гурисами. (**) Они

(*) Симъ словомъ изображается на Арабскомъ языкѣ чрезвычайная красота.

(**) Гурисы называются дѣвицы, которыхъ обѣщаетъ Магометъ добрымъ Музульманамъ

Они искусство и мастерство Шемсъ-Эддиново весьма похвалили, и каждая дала ему по кошельку со ста червонными, а притомъ просили его еще имъ здѣлать по платью другимъ ужѐ покроемъ. Сей молодой портной пошелъ въ палату, гдѣ лежали парчи, и взявъ изъ нихъ пять кусковъ весьма страннаго вкуса, здѣлалъ два платья самымъ простымъ манеромъ, за что получилъ двѣсти червонныхъ и приказъ, выбрать парчи еще на два платья. Такимъ образомъ работа сія продолжалась семь недѣль, въ которое время Шемсъ-Эддинъ здѣлалъ четырнатцать платьевъ, и за оное получилъ столько же кошельковъ съ червонными. Но между тѣмъ страсть его къ одной изъ

сихъ

манамъ по ихъ смерти. Они всегда имѣютъ быть дѣвицы, и совершеннѣйшей красоты.

сихъ госпожѣ столь сильно умножилась, что не взирая на весьма неравное состоянie между собою и ею, вознамѣрился открыть ей свою любовь, и разсуждая долгое время, какимъ бы образомъ оное исполнить, не нашелъ другаго способа, какъ положить въ карманъ письмо въ первое платье, которое онъ понесетъ: что онъ и дѣйствительно исполнилъ, изобразивъ въ ономъ свою страсть и лютое мученie, такъ живо и униженно, что надѣялся, хотябъ оное ей и не понравилось, однакобъ по крайней мѣрѣ простила ему сie дерзновенie.

Письмо же его имѣло желаемой успѣхъ, и увидя въ первой разъ потомъ сiю госпожу, не только не усмотрѣлъ онъ въ глазахъ ея никакого гнѣва; но примѣтилъ еще такie прiятные взоры, что

чрезъ

чрезъ великую силу могъ удержаться, чтобъ не повалиться къ ногамъ ея. Онъ подалъ ей платье, и она пошла его примѣривать, а потомъ выславъ къ нему назадъ, велѣла ему сказать, что оно нѣсколько узко. Молодой портной, зная вѣрно, что платье сшито такъ какъ надобно, догадался, что то здѣлано подъ видомъ, дабы чрезъ оное дать ему отвѣтъ. Онъ вынулъ свои ножницы и иголку, и притворяясь, будто оное поправляетъ, сталъ искать по карманамъ, и нашелъ письмецо, которое искусненько вынувъ, платье опять отдалъ, совсѣмъ ничего не переправляя. Госпожа вышла въ залу и очень была довольна, а ему велѣно было еще дѣлать платье. Шемсъ-Эддинъ, пришедъ отъ нихъ домой, немедленно письмо развернулъ, въ которомъ слѣдующее написано:

„ Любви твоей, любезной ШемсЪ-
„ ЭддинЪ, не могу я не чувство-
„ вать; ты такЪ ея живо и нату-
„ рально изображаешь, что я бы
„ опасалась гнѣва отЪ великаго на-
„ шего Пророка, естьли бы платила
„ за оную неблагодарностїю. Я
„ не стыжусь признаться, что я
„ тебя люблю, и ты мнѣ весьма
„ милЪ, и что скоро бы ты былЪ ща-
„ стливЪ, естьли бы отЪ меня толь-
„ ко зависѣло наградить твою лю-
„ бовь, которую почитаю я искрен-
„ нею и законною. Но, свѣтЪ моей
„ жизни, коликихЪ слезЪ будетЪ
„ тебѣ стоить, когда ты узнаешь,
„ что я на вѣки заключена вЪ та-
„ комЪ мѣстѣ, вЪ которомЪ всѣ
„ живущїе опредѣлены для веселїя
„ Астраханскому Царю, и что без-
„ щастной (*) ЗебдЪ-Эль-Катонѣ
„ нѣтЪ

(*) Сїе имя на ПерсидскомЪ языкѣ зна-
читЪ цвѣтЪ женщинЪ.

„нѣтъ никакой надежды, чтобъ „когда нибудь соединиться съ лю- „безнымъ Шемсъ-Эддиномъ„.

Прочитавъ сіе письмо молодой портной, почувствовалъ въ себѣ несказанную радость, которая однакожъ смѣшена была съ крайнею горестію. Зебдъ-Эль-Катона была изъ всей Татаріи наипрекраснѣйшая, и притомъ извѣстно было, что она фаворитка Астраханскаго Царя (*) Алзалега. Шемсъ-Эддинъ, будучи вхожъ къ городскимъ начальникамъ, многократно слыхалъ о красотѣ ея, и какую несклонность она къ Царю имѣла. Какъ сему Государю больше шестидесяти лѣтъ, а Зебдѣ-Эль-Катонѣ и семнатцати еще не было; то она никакъ не могла привыкнуть

(*) Алзалегъ значитъ на Арабскомъ доброй Ханъ.

нуть къ воздыханіямъ шестидесятилѣтняго старика. Царь же Астраханскій, любя ея горячо и нѣжно, не хотѣлъ употреблять надъ нею такой власти, какъ надъ своею невольницею, но ожидалъ терпѣливо, чтобъ слѣпое его угожденіе склонило ея сердце.

Шемсъ-Эддинъ, довольно видя, что ни коимъ образомъ не можно ему получить Зебдъ-Эль-Катоны, въ такое жестокое пришелъ отчаяніе, что когда старуха пришла за нимъ, чтобъ вести его въ сераль, нашла его на постелѣ въ превеликой горячкѣ. О чемъ пошла она тотчасъ объявить своимъ госпожамъ, которыя такъ сильно о томъ запечалились, что не разсуждая, какой они себя подвергаютъ бѣдѣ, подкупили евнуховъ, которые и прежде позволяли молодому

портп-

портному къ нимъ ходить, чтобъ выпустили они ихъ изъ сераля.

Шемсъ-Эддинъ, желая уже себѣ смерти, въ крайнее пришелъ изумленіе, увидя сихъ госпожъ у своей кровати. Онъ хотѣлъ было засвидѣтельствовать имъ свою благодарность, какъ старшая изъ нихъ, снявъ свое покрывало въ первой разъ, слѣдующее ему говорила: „Здоровье твое, любезной Шемсъ-„Эддинъ, столь намъ дорого, что „мы отваживаемъ жизнь свою, „чтобъ самимъ посмотрѣть, мо-„жно ли твою спасти. Скажи, по-„жалуй, намъ причину твоей бо-„лѣзни, можетъ быть, найдемъ „мы оной какое облегченіе„.

Молодой портной, для оказанія почтенія, и будучи тронутъ красотою сея госпожи, которую без-

покоило

покоило нѣкоторое движенiе, нѣсколько привставши, отвѣчалъ ей слабымъ голосомъ: Ахъ! милостивая государыня, сколь не излечимою болѣзнь свою я ни почитаю, однако присутствiе ваше и сихъ госпожъ принесло ранамъ моимъ не малое облегченiе. Я было умеръ съ одной печали; но какъ вы столько изволите имѣть попеченiя о жизни нещастнаго, то я оставляю жестокое свое намѣренiе, и надѣюсь чрезъ шесть дней здѣлать симъ двумъ госпожамъ приказанное платье. Зебдъ-Эль-Катона, чувствуя чрезвычайную любовь молодаго портнаго, пожала ему руку: естьли можно, но только безъ вреда твоему здоровью, сказала она, то, пожалуй, любезной Шемсъ-Эддинъ, здержи твое слово, ты не можешь себѣ вообразить, какъ тому особливо я рада буду.

Потомъ сіи госпожи встали, и подъ препровожденіемъ евнуховъ, которые провели ихъ до дому портнаго, возвратились съ свои покои. Шемсъ-Эддинъ въ такой радости препроводилъ слѣдующую ночь, что на другой же день по утру въ состояніи былъ приняться за работу. Платье по обѣщанію его поспѣло чрезъ шесть дней, и старуха, которая прихаживала весьма часто освѣдомляться о его здоровьѣ, взяла его съ собою, и отдала по прежнему двумъ чернымъ; а они провели ужè его въ залъ, которой при входѣ его наполнился радостнымъ восклицаніемъ.

Шемсъ-Эддинъ подалъ принесенное платье госпожамъ, которое они разсматривали; и которое имъ понравилось гораздо еще лучше и всѣхъ прежнихъ. Для прибавленія

нія же къ оному великолѣпія, велѣли они подать себѣ маленькой ларчикъ съ драгоцѣнными каменьями, и приказали ему выбрать изъ оныхъ, чтобъ нашить на платье.

Молодой портной, повинуясь ихъ повелѣнію, нашивалъ каменья на зарукавье любезной Зебдъ-Эль-Катоны, какъ въ залѣ дверь вдругъ отворилась, и одинъ человѣкъ, у котораго смѣшенной съ яростію гнѣвъ пылалъ на лицѣ, шелъ прямо на него съ обнаженною саблею. Шемсъ-Эддинъ тотчасъ узная, что то былъ Царь Астраханскій, и думая, что ужѐ безъ сомнѣнія смерть его пришла, не разсудилъ за благо дожидаться мщенія сего Государя, нижѐ оставить его гнѣву трехъ госпожъ, которыми столько одолженъ онъ былъ, схватилъ тотчасъ кинжалъ, осыпанной бриліан-

тами, которой лежалъ въ ларчикѣ, съ каменьями, и не допустивъ до себя Царя, такъ искусно бросилъ въ него сей кинжалъ, что здѣлалъ ему глубокую рану, отъ которой упалъ онъ на́ полъ.

Алзалегъ, не въ состояніи будучи встать, призывалъ къ себѣ на помощь; по чему тотчасъ вошли двенатцать евнуховъ, и онъ приказавъ имъ схватить Шемсъ-Эддина, трехъ женщинъ и двухъ черныхъ, велѣлъ ихъ раздѣть до пояса, и изрубить тѣло ихъ на мѣлкія части.

Покамѣстъ положили Царя на софу, и ходили за его докторомъ, сей жестокой приказъ былъ уже отъ части исполненъ; ихъ всѣхъ раздѣли, и хотѣли было рубить, какъ старшая изъ трехъ женщинъ,

взлянувъ невзначай на молодаго Шемсъ-Эддина, и увидя подъ правою грудью родимое пятно, бросилась Алзалегу въ ноги. Ахъ! милостивой Государь, говорила она ему, отложите хотя на минуту справедливой вашъ гнѣвъ. Я только одна виновата. Нещастная Сучюме, ваша дочь, Зебдъ-Эль-Катона и сей молодой человѣкъ не виноваты. Однако судьбы избѣжать не можно, и сколько вы предосторожности ни имѣли для избѣжанія астрологова предсказанія; но вотъ на конецъ по неминуемому провидѣнію сіе предсказаніе совершилось.

Царь, удивившись симъ рѣчамъ, велѣлъ своимъ евнухамъ вытти, и приказавъ женщинамъ и портному одѣться, повелѣлъ той, которая сіе говорила, изъяснить такую загадку, которой онъ понять не мо-

 жетъ.

женЪ. Сія женщина, повинуясь цареву повелѣнію, слѣдующее ему говорила:

ПОВѢСТЬ

Султанши Дюгме.

Ваше Величество, изволите припомнить, что когда имѣя щастіе Вамъ понравиться, зделалась чреватою: то Вы о моей беременности спрашивали славнаго Абдельмеленка. Сей астрологъ сказалъ Вамъ, что я рожу сына, которой предастъ Васъ смерти, да и самъ отъ того лишится живота своего; есть ли не задушенъ онъ будетъ при своемъ рожденіи. Какъ Абдельмелековы предсказанія всегда збывались; то сіе Васъ устрашило, и для предупрежденія сего нещастія, Вы меня всегда при себѣ имѣли. Я

Вамъ тщетно представляла, что не должно много полагаться на сомнительную такую науку, какъ астрологія. Вы вознамѣрились быть сами при моихъ родинахъ, чтобъ я не могла здѣлать какого подлога; слёзы мои Васъ ни мало не трогали; Вы были не упросимы; я не могла отвратить Васъ отъ безчеловѣчнаго такого намѣренія, чтобъ пролить родную свою кровь, и я едва было не умерла съ печали и отъ страха, когда увидѣла, что Вы вошли въ мою спальню съ Абдельмелекомъ, какъ скоро Вамъ сказали, что я мучусь родами. Но притомъ, милостивой Государь, не можете Вы позабыть, что я отъ превеликаго безпокойства въ несказанную радость пришла, когда, вмѣсто мальчика, произвела на свѣтъ нещастную Сучюме. Вы посмотрѣли тогда на Абдельмелека

лека съ негодованіемъ. Несмысленной, или лукавой астрологъ, сказали Вы ему преисполненнымъ гнѣва лицомъ: Я покажу тебѣ, какъ насмѣхаться надъ своимъ Государемъ: ложь твоя уморила было любезную мою Дюгме, однако такого дерзновеннаго подданнаго я тотчасъ накажу. Абдельмелекъ тогда, продолжала Султанша, бросясь къ Вашимъ ногамъ говорилъ: милостивой Государь, не начинайте совершать надо мною предсказанія, которое весьма будетъ справедливо, извольте еще нѣсколько подождать, Вы увидите, что моя наука есть неложная... Вы, не давъ времени астрологу окончать свою рѣчь, срубили ему саблею голову, и вышли изъ моей спальни, взявъ съ собою новорожденную дочь нашу.

И едва лишь Ваше Величество вошли въ свои покои, какъ я опять стала мучиться. Находившаяся тогда при мнѣ бабушка, подошедъ ко мнѣ, увидѣла, что я еще рожу; того ради подъ разными причинами разослала всѣхъ бывшимъ въ моемъ покоѣ людей; а я тотчасъ послѣ того родила мальчика прекраснаго, какъ день. Натура, которая для моихъ глазъ ничего еще столь совершеннѣе не сотворила, не позволяла мнѣ, чтобъ я его Вамъ посвятила. Вся моя внутренняя ворочалась, когда я размышляла о Вашей жестокости. Я отдала моего сына съ многими дорогими каменьями сей бабушкѣ, и просила ея, чтобъ она немедленно сыскала для него кормилицу внѣ Астрахани.

Какъ за мною больше уже не примѣчали, то удобно ей было

сына моего вынести, и я съ нетерпѣливостію ожидала ея возвращенія. Но по прошествіи четырехъ дней, съ крайнею горестію я увѣдомилась, что она была убита за четыре мили отъ Астрахани; однако не сказывали, чтобъ притомъ найденъ съ нею былъ сынъ младенецъ; а сіе меня нѣсколько порадовало. Но сколько я потомъ потаенно о моемъ сынѣ ни развѣдывала; однако совсѣмъ ничего не могла провѣдать, и я думала на вѣки его лишиться; какъ въ сію минуту, милостивой Государь, узнала я его въ семъ молодомъ человѣкѣ по пятну, которое я у него на груди такъ, какъ и у Сучюмѣ, сестры его. И конечно продолжала Дюгме, было дѣйствіе натуры, что когда идучи съ Вашимъ Величествомъ назадъ, тому мѣсяца съ два, мимо лавки Курбановой, я вдругъ почувствовала

вала къ сему молодому портному нѣкоторую безвинную склонность, не зная сама потаенной тому причины, и я одна, милостивой Государь, подъ тѣмъ видомъ, чтобъ здѣлать платье для моей дочери, и прекрасной Зебдъ-Эль-Катоны, подкупила Вашихъ евнуховъ, чтобъ впустить его въ женскіе покои; и такъ накажите во мнѣ одной причину Вашего злополучія.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ

Шемсъ-Эддинопой

Астраханскій Царь, слыша сіе, несказано изумился, хотя тогдашнее его состояніе долженствовалобъ единственно его побуждать къ отмщенію. Онъ немедленно велѣлъ привести предъ себя портнаго и съ его женою, которой

Шемсъ-Эддинъ назывался сыномъ. Между тѣмъ какъ за ними пошли, перевязывали его рану, и Шемсъ-Эддинъ съ превеликимъ отчаяніемъ видѣлъ изъ глазъ доктора, которой прикладывалъ первой пластырь, что сей Государь весьма ужѐ опасенъ.

На конецъ портной съ своею женою пришедши объявили, что Шемсъ-Эддинъ не родной ихъ сынъ, что тому около осьмнатцати лѣтъ, какъ принесъ его къ нимъ одинъ Дервишъ, который имъ сказывалъ, что онъ, пришедъ съ рыбной ловли, нашелъ его въ своей хижинѣ совсѣмъ нагово, и что сей пустынникъ чрезъ три мѣсяца потомъ умеръ скоропостижно, ничего больше о томъ имъ не объявя.

Какъ день, въ которой Шемсъ-Эддинъ принесенъ былъ къ Курбану,

ну, по справкѣ былъ самой тотъ, въ которой родилась Сучюме, и пятно, которое у него также какъ и у сестры его было, совершенно увѣрили Царя, что онъ его сынъ; то онъ подозвавъ его къ себѣ, обнялъ, и велѣлъ его одѣть въ пребогатое платье.

Сколько съ одной стороны Шемсъ-Эддинъ радовался знатному своему рожденію, столько съ другой крайне печалился. Онъ бросился Алзалегу въ ноги, и заливщись слезами ему говорилъ: Милостивой Государь, я съ нетерпѣливостію ожидаю смерти, и по учиненіи такого злодѣйства, не могу безъ ужаса смотрѣть на себя. Очистите натуру отъ такого урода, каковъ я, и сей только одной милости требуетъ отъ Васъ нечестивой Вашъ сынъ. Нѣтъ! нѣтъ,

любезной мой Шемсъ-Эддинъ, отвѣчалъ ему Царь, паки его обнявши: Не ты причиною моей смерти, не льзя ужé того избѣжать, что предписано на таблицѣ (*) свѣтила. Живи, я тебѣ приказываю, и вели немедленно собрать всѣхъ моихъ Визирей, и Эмировъ Астраханскихъ. Я хочу въ ихъ присутствіи признать тебя за моего сына и наслѣдника.

Шемсъ-Эддинъ, чувствуя толикую милость Царя, своего отца, обнималъ его ноги съ почтеніемъ, и не очень торопился исполнять его повелѣнія. Но какъ Султанша Дюгме, ни мало не тратя времени, разо-

(*) Наибольшая часть восточныхъ народовъ вѣрятъ, что все что ни было, и что впредь ни будетъ, даже до скончанія міра, написано на дскѣ свѣтила огненнымъ перомъ, и сіе писаніе называютъ они: *предопредѣленіе неизбѣжное.*

разослала сей приказъ съ двенатцатью черными невольниками, то царскіе покои тотчасъ послѣ того наполнились знатнѣйшими его придворными.

Сей Государь лежа на софѣ, на́чалъ имъ говорить: Ангелъ смерти отъ меня ужѐ не далеко, и я чувствую, что скоро буду покоиться подъ кровомъ милосердія Всемогущаго. Вотъ Визири, продолжалъ онъ тихимъ голосомъ, вотъ вашъ Государь, указывая на молодово Шемсъ-Эддина. Это мой и Султанши Дюгме сынъ, я приказываю вамъ почитать его такъ, какъ вашего Хана.

Визири и Эмиры весьма изумились о толь скоропостижной Алзалеговой смерти, и равномѣрножъ не знали, чтобъ у него когда былъ

 сынъ:

сынъ: но какъ Султанша разсказала имъ вкратцѣ исторію молодаго портнаго, то они повергли себя лицомъ на землю, и клялись своими головами повиноваться ему до смерти.

Лишь только сія церемонія окончилась, то Царь подозвалъ къ своей софѣ Султаншу свою супругу, Сучюме и Зебдъ-Эль-Катону. Любезная моя Дюгме, говорилъ онъ первой: я довольно знаю, сколь не справедливо поступалъ я противъ васъ, любя прекрасную Зебдъ-Эль-Катону, которая всегда за мою любовь платила мнѣ неблагодарностію. Вы не заслужили такой съ моей стороны невѣрности, и я съ крайнею печалію умираю, нарушивъ мою присягу, которою я вамъ столько разъ клялся, чтобъ только васъ одну любить.

быть. Ахъ! милостивой Государь, отвѣчала Дюгме, залившись вся слезами: Сколько къ Вашему Величеству горячности я ни чувствовала; однако никогда не хотѣла препятствовать Вамъ въ Вашихъ веселіяхъ. Я любила Васъ, милостивый Государь, для Васъ самого, и Вы никогда не видали, чтобъ я смотрѣла когда завистливымъ окомъ на Зебдъ-Эль-Катону. Сколь ни чувствительно мнѣ было потеряніе Вашего сердца, но довольно, что Вамъ было то мило, чтобъ я не роптала противъ самодержавной Вашей власти.

Царь въ самое сіе время почувствовалъ въ себѣ большую любовь къ Султаншѣ, и обнявъ ея любезно, говорилъ ей: Я докажу тебѣ, любезная моя Дюгме, справедливость моихъ словъ: Прекрасная

сная ЗебдЪ-Эль-Катона больше меня не прельщаетЪ, и для большаго вЪ томЪ увѣренія, прошу ея при ВасЪ, дать руку Принцу, моему сыну. ЧтожЪ касается до моей дочери, то Визирь БенЪ-БукарЪ.. И выговоривЪ сіи послѣднія слова̀, не могЪ ужѐ окончать своего завѣщянія о своей дочери, но такЪ и умерЪ вЪ рукахЪ Султанши.

Не можно себѣ представить, вЪ какомЪ находился тогда отчаяніи ШемсЪ-ЭддинЪ. ОнЪ столь сильно рвался и тосковалЪ, что едва было и жизни своей не прекратилЪ. Мать его, сестра и ЗебдЪ-Эль-Катона ни на часЪ отЪ него не отходили; особливо же послѣдняя освободившись Царя, котораго не пріятная ей любовь, хотя и почтительная, заставляла нѣсколько разЪ опасаться, несказанно старалась

обЪ

объ утѣшеніи Щемсъ - Эддина. Но онъ ничего того не чувствуя, въ такую глубокую впалъ задумчивость, что опасались о его жизни.

Во всѣхъ Астраханскихъ мечетахъ учредили всенародныя молитвы, которыя нѣсколько умилостивили гнѣвъ великаго пророка на новаго Царя. Онъ сталъ чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ спокойнѣе, и наградивъ довольно портнаго и его жену за оказанную ему любовь, выдалъ Сучюме за Визиря Бенъ - Букара, думая, что такое желаніе было Царя, его отца, а самъ женился публично на прекрасной Зебдъ - Эль - Катонѣ.

Сей Государь около пяти мѣсяцовъ жилъ съ любезною своею супругою во всякомъ совершенномъ благополучіи. Дни казались ему

съ

съ нею за минуты; но сіе благополучіе пресѣклось вдругъ ужасными привидѣніями, которыя почти всегда представляли ему отца, лежащаго въ крови. Зебдъ-Эль-Катона тщетно старалась пріятнѣйшими своими ласками выгнать у него изъ ума такія безпокойныя мысли. Онъ непрестанно угрызаемъ былъ совѣстію въ отцеубійствѣ, и не могъ къ прекращенію того инаго способа найти, какъ ѣхать въ Мекку. (*)

Зебдъ-Эль-Катона, не хотя отъ него отстать, прилѣжно его просила взять ея съ собою, въ чемъ

Шемсъ-

(*) Мекка городъ въ щастливой Аравіи; ѣзды одинъ день отъ Чермнаго моря; есть мѣсто рожденія Магометова. Въ семъ городѣ есть великолѣпнѣйшій мечетъ, въ которой по обѣщанію весьма много Турковъ со всѣхъ сторонъ приходятъ.

Шемсъ-Эддинъ не могъ ей и отказать; поруча же правленіе въ отсутствіе свое шурину своему, Визирю Бенъ-Букару, и приказавъ не оставлять свою мать и сестру, самъ изъ Астрахани поѣхалъ.

По весьма долговременномъ пути, въ которомъ Шемсъ-Эддинъ и съ супругою своею претерпѣли много нуждъ, на конецъ прибыли въ Мекку. Шемсъ-Эддинъ обошелъ тамъ семь разъ вкругъ мечета, и очистившись водою изъ колодезя, называемаго Земземъ, (*) пошелъ

(*) Тамъ же есть колодезь, называемый Земземъ, который почитается за колодезь Авраамовъ. Вода въ немъ соленая, и думаютъ, что омывшись тою водою, наитяжчайшіе грѣхи оставляются. Потомъ ходятъ на гору Арафатскую для принесенія въ жертву одного, или многихъ барановъ, которыхъ раздѣляютъ нищимъ; а оттуда обыкновенно проходятъ въ Медину,

пошелъ на гору Арафатскую, гдѣ велѣлъ заколоть двѣсти барановъ, и раздѣлилъ ихъ бѣднымъ. Потомъ пошелъ въ Медину, по обѣщанію молиться въ тамошнемъ мечетѣ, и положивъ въ оной въ кладу сорокъ тысячь червонныхъ, также какъ и въ Меккѣ, присталъ къ каравану, и продолжалъ свой путь до великаго (*) Каира, безъ всякаго

Медину, гдѣ поставленъ гробъ ихъ пророка. Отъ Мекки до Медины разстояніемъ на четыре дни.

(*) Великій Каиръ лежитъ на границахъ верьхняго и нижнаго Египта, и почти посреди на 2000. шаговъ отъ Нила. Въ разсужденіи великой коммерціи, пріѣжжаютъ туда всякіе народы, и около Октября мѣсяца караваны, собравшіеся въ Каирѣ отправляются въ Мекку. Идущихъ же по бѣщанію въ Мекку, столь много, что иногда и до сорока тысячь ихъ бываетъ, и у восточныхъ народовъ не почитаютъ того за добраго Музульмана, который бы не сходилъ въ свою жизнь

всякаго приключенія. ШемсЪ-ЭддинЪ не мучился ужѐ больше такими привидѣніями, которыя столь часто прерывали сонЪ его. ОнЪ на́чалЪ наслаждаться спокойнымЪ благополучіемЪ, и приготовлялся было ѣхать вЪ свое владѣніе, какЪ прекрасная ЗебдЪ-Эль-Катона занемогла жестокою горячкою, которая не позволяла имЪ отправиться вмѣстѣ сЪ караваномЪ; но сей Государь еще больше возъимѣлЪ причину пе́чалиться, когда болѣзнь его супруги столь сильно умножилась, что онЪ опасался о ея жизни. Она потеряла всѣ чувства, и будучи вЪ такомЪ состояніи близЪ двухЪ дней; на конецЪ опамятовавшись могла выговорить для приведенія ШемсЪ-Эддина вЪ бо́льшую

жизнь однажды вЪ Мекку и вЪ Медиму, или бы кого инаго вмѣсто себя не послалЪ.

шую горесть, слѣдующія только слова:

Я съ тобою, любезной мой супругъ, говорила она ему, обнявъ его съ превеликою горячностію, на вѣки ужè разлучаюсь, и напередъ чувствую, сколь несносно такое разлученіе; однако не должно тебѣ по мнѣ тужить, ты предоставленъ къ лютѣйшимъ еще горестямъ. Мнѣ явился за нѣсколько предъ симъ часовъ великой пророкъ, и слѣдующее говорилъ: надобно, сказалъ онъ мнѣ, чтобъ Государи сами на себѣ испытали нѣкоторыя нещастія; злополучіе просвѣщаетъ ихъ добродѣтель, и научаетъ лучше подданными владѣть. Шемсъ Эддинъ правду сію скоро увидитъ надъ собою. Увѣдомь его отъ меня, чтобъ онъ къ тому пріуготовлялся. Вотъ, продолжала

должала ЗебдЪ-Эль-Катона залившись вся слезами, вотЪ, что я имѣла тебѣ сказать. Сколько можно укрѣпляйся, чтобЪ не роптать на провидѣніе. Прости любезной мой ЩемсЪ.... Принцесса едва сіи слова выговорила, какЪ АнгелЪ смерти пресѣкЪ языкЪ ея.

Отчаяніе Астраханскаго Царя было несказанное, и не могли его оттащить отЪ тѣла его супруги. ОнЪ лишившись ея, не могЪ ни мало утѣшиться; велѣлЪ немедленно здѣлать коришневаго дерева ящикЪ, вЪ которомЪ прорѣзалЪ только скважину надЪ лицомЪ, положилЪ вЪ оной ЗебдЪ-Эль-Катону, украся ящикЪ драгоцѣнными каменьями, и сЪ своимЪ конвоемЪ, состоявшимЪ изЪ пяти сотЪ человѣкЪ, старался нагнать караванЪ, которой отправился вЪ путь за нѣсколь-

сколько предЪ тѣмЪ дней, вЪ такомЪ намѣреніи, чтобЪ нагнавши оной, тѣло любезной своей супруги балсамировать.

На другой день сего Государя, напали на него около двухЪ тысячь (*) БедуанцовЪ. ОнЪ супротивлялся имЪ весьма храбро: но какЪ весь его конвой, не выключая ниодного человѣка, былЪ побитЪ весь на́ голову: то и онЪ остался вЪ числѣ мертвыхЪ. Бедуанцы послѣ побѣды своихЪ непріятелей начали всѣхЪ обдирать, и увезли все, что у нихЪ ни было, не позабывЪ и ящика украшеннаго каменьями, вЪ которомЪ положена была ЗебдЪ-Эль-Катона.

ШемсЪ-

(*) Бедуанцы называются Арабскіе разбойники, которые собираются весьма многочисленными шайками, и нападаютЪ на караваны, кои обыкновенно они разграбляютЪ.

Шемсъ-Эддинъ, обороняясь какъ левъ, не получилъ ни одной смертельной раны, и не столько отъ потерянія крови, какъ отъ истощенія силъ своихъ упалъ между мертвыми; и когда онъ опамятовался, то весьма удивился, видя себя совсѣмъ нагаго, и окруженнаго своими людьми, изъ которыхъ ни одного живаго не было. Какое-то было печальное для сего Государя позорище! Вставши онъ на великую силу, и не позабывъ о любезной своей супругѣ, сколько слабъ ни былъ, все сіе мѣсто обошелъ, чтобъ поискать, не оставили ли разбойники того ящика, въ которомъ лежала Зебдъ-Эль-Катона, ободравъ всѣ съ ней каменья. Но все его стараніе было безполезно, и съ отчаянія едва было не умеръ; однако оставя сіе столь для него печальное мѣсто,

и идучи около часа не зная куда и самъ, пришелъ на послѣдокъ въ маленькую деревушку, при входѣ въ которую попался ему (*) Имамъ. Сей увидя Шемсъ-Эддина совсѣмъ нагаго и въ крови, сперва было испугался; но какъ онъ утаивъ о своемъ имени, расказалъ ему, что онъ спасся только одинъ отъ рукъ немилосердыхъ Бедуанцовъ, то Имамъ сжалясь на него, взявъ его къ себѣ домой, велѣлъ ему перевязать раны, и потомъ далъ нѣсколько ему денегъ, съ которыми сей Государь пошелъ въ свое владѣніе.

По долговременной и трудной дорогѣ, которою Шемсъ-Эддинъ отчасти шелъ одинъ, а отчасти съ нѣкоторыми не большими караванами, которые не оставляли его въ

нуждѣ,

(*) Магометанской попъ.

нужде, пришелъ онъ на конецъ на пространное поле разстояніемъ на полмили отъ Астрахани. Тутъ увидѣлъ онъ племянника, Визиря своего шурина, и побѣжавъ къ нему съ распростертыми руками, говорилъ ему: узнай, любезной мой Заминъ, узнай, нещастливѣйшаго Шемсъ - Эддина, которой чрезъ цѣлые три года подверженъ былъ такимъ злополучіямъ и бѣдности, о которой и слышать ужасно. Заминъ, увидя своего Царя, изумился: хотя отъ дальной дороги, отъ претерпѣннаго нещастія и въ худомъ притомъ платьѣ, Шемсъ-Эддинъ и весьма много перемѣнился, однако онъ могъ узнать. Онъ повергнулъ себя предъ нимъ лицомъ на землю съ искреннимъ почтеніемъ, и снявъ съ себя платье, надѣлъ на своего Государя, и провелъ его во дворецъ по глухимъ

и малолюднымЪ улицамЪ. Но вЪ какомЪ удивленіи былЪ ШемсЪ-ЭддинЪ, вошедЪ во дворецЪ, когда увидѢлЪ, что тотЪ же самой ЗеминЪ, которой не задолго предЪ тѢмЪ оказывалЪ ему толикое почтеніе, накладывалЪ на него цѢпи! ОнЪ тогда сЪ несказанною горестію увѢдомился, что безчеловѢчной БенЪ-БукарЪ, его шуринЪ, умертвивЪ изЪ своихЪ рукЪ жену свою и Султаншу Дюгме, овладѢлЪ ханствомЪ, казнилЪ всѢхЪ вѢрныхЪ ему подданныхЪ, также и тѢхЪ, которые противились вступленію его на престолЪ, и что онЪ самЪ долженЪ скоро готовиться кЪ такому же жребію.

ШемсЪ-ЭддинЪ, услыша сіе, весь одеревенѢлЪ, и сперва вошелЪ было вЪ ярость, но вспомнивЪ послѢднія ЗебдЪ-Эль-Катоновы слова,

вЪ тотЪ же часЪ положился на волю Всемогущаго, размышляя вЪ себѣ: БогЪ есть справедливЪ, я еще мало наказанЪ за мои грѣхи; но что здѣлали мать моя и сестра, что такую ругательную смерть приняли? Но я уповаю, что смерть ихЪ не долго останется безЪ наказанія.

Сей Государь не успѣлЪ еще сихЪ словЪ окончать, какЪ злодѣй вошелЪ сЪ четырьмя палачами вЪ ту залу, вЪ которой былЪ ШемсЪ-ЭддинЪ. Присутствіе Визиря его устрашило: ахЪ! безчеловѣчной Визирь, закричалЪ онЪ ему, какЪ скоро издали его увидѣлЪ, знать совершить хочешь твое злодѣйство? Кровь жены твоей, и моей матери, которая довольно уже противЪ тебя вопіетЪ, не можетЪ ли угасить твое варварство? ВотЪ голо-

ва моя, руби; но помни, что я предъ судомъ божіимъ изобличу неистовыя твои дѣлà, и когда Ангели засвидѣтельствуютъ въ томъ мою̀ справедливость, то вся сія сила, отъ которой дрожатъ и трепещутъ мои подданные, не поможетъ тебѣ, чтобъ ты не былъ осужденъ, и жестоко не наказанъ за твои убійства.

Такой жестокой выговоръ привелъ злодѣя въ изумленіе; онъ не въ состояніи былъ тогда приказать казнить законнаго своего Государя. Сихъ угрозъ онъ устрашился, и думалъ, что ужѐ рука божія надъ его головою; но только удовольствовался тѣмъ, чтобъ Шемсъ-Эддина привести не въ состояніе вступить на престолъ; и для того велѣлъ многократно держать предъ его глазами каленое желѣзо,

которое

которое лишило его зрѣнія, и потомъ заключилъ его въ темницу.

Не проходило ни одного дня, чтобъ Астраханской Царь хотя въ превеликомъ нещастіи и несказанной горести не признавалъ съ благоговѣніемъ воли Провидѣнія, и чтобъ не благодарилъ Бога, что онъ за его грѣхи столь милостиво наказуетъ. Но въ одну ночь, какъ онъ отъ печали нѣсколько освободившись, мало заснулъ, то видѣлъ во снѣ великаго пророка, которой державъ за руку Зебдъ-Эль-Катону, обнадеживалъ его о перемѣнѣ состоянія его, и обѣщалъ на конецъ ему совершенное блогополучіе съ его супругою.

Шемсъ-Эддинъ вдругъ пробудился. Сіе привидѣніе показалось ему страннымъ, и столь неоснова-

тельнымЪ, что онЪ о томЪ почти и не думалЪ, и еще больше свою печаль умножилЪ, однако нѣкоторая часть сего предсказанія скоро потомЪ збылася.

ВЪ одно утро, какЪ онЪ лежа на земли отправлялЪ свою молитву, услышалЪ, что сЪ великимЪ стукомЪ отворяются двери вЪ его тюрьмѣ, и какЪ думалЪ, что хотятЪ предать его смерти, то онЪ не вставая сЪ земли, ожидалЪ было смертоноснаго удара сЪ нетерпѣливостію, какЪ двое изЪ прежнихЪ его Визирей, которыхЪ усердіе и добродѣтель были извѣстны, бросились ему вЪ ноги: милостивой Государь, говорилЪ одинЪ изЪ нихЪ, признайте голосЪ Мютамгида и Кюберге вѣрныхЪ вашихЪ рабовЪ. Неблагодарной Визирь, котораго вы толикими благодѣяніями на-

градили,

градили, умерщвленъ нашими руками и съ бездѣльнымъ Земиномъ. Народъ отягченъ будучи его лютостію, весьма тому радуется. Оной не зналъ о вашемъ возвращеніи; но мы его о томъ увѣдомили, и притворялись держать сторону Бенъ-Букарову только для того, чтобъ тѣмъ удобнѣе могли его свергнуть съ престола, которой похитилъ онъ толикимъ безчеловѣчіемъ. Вступите вы на оной, милостивой Государь, ибо всѣ ваши подданные желаютъ законнаго своего Государя съ чрезвычайною нетерпѣливостію.

Шемсъ-Эддинъ прославлялъ тогда Бога, и благодарилъ Визирей за ихъ усердіе. Но какъ, говорилъ онъ имъ, благоразумные друзья, желаете вы, чтобъ вступилъ опять на престолъ такой безщастной Го-

сударь, какъ я? Да и въ состоянiи ли я вами управлять: нѣтъ, нѣтъ Визири, изберите кого нибудь изъ васъ къ тому способнаго, а меня оставьте съ покоемъ оплакивать мои нещастiя. Ахъ! милостивой Государь, отвѣчалъ Мютамгидъ, презрѣнiе, которое имѣете вы къ высокому достоинству, есть истиннымъ знáкомъ, что никто достойнѣе васъ царствовать не можетъ; помилуйте, и не оставьте прошенiя вашихъ рабовъ; а мы готовы пролить кровь свою, чтобъ васъ сохранить на престолѣ, которымъ вы ужѐ столь достойно управляли.

Царь Астраханской, преклоненъ будучи сими искренности наполненными словами, облокотился на обѣихъ своихъ Визирей, которые повели его въ дворцовую баню, и

одѣвъ

одѣвъ въ великолѣпное платье, представили его народу, которой нетерпѣливость свою видѣть его на престолѣ своихъ прародителей, изъявлялъ многимъ родостнымъ восклицаніемъ.

Сколько Шемсъ-Эддинъ ни чувствовалъ радости, узная къ себѣ любовь своихъ подданныхъ, однако всегда потаенно плакалъ о потеряніи любезной своей Зебдъ-Эль-Катоны, и лишеніи своего зрѣнія. Тщетно наискуснѣйшіе доктора и лекари Астраханскіе пробовали надъ нимъ свои лекарства; и на конецъ сказали, что нѣтъ ни малой надежды, чтобъ когда сей Государь свѣтъ солнечной видѣлъ. Въ томъ числѣ былъ одинъ, именемъ Абобекеръ, которой говорилъ Царю, что онъ помнитъ, читая въ древней Арабской рукописной книгѣ, что

есть на островѣ (*) Серендибѣ одна птица, которая можетъ дать зрѣніе, но что кромѣ великихъ трудностей, какъ оную найти и подойти къ оной въ справедливости онаго онъ не ручается. Птица, продолжалъ докторъ, сидитъ на верьшинѣ превысокаго дерева, у котораго листья такъ жостки, какъ желѣзо, и остры, какъ бритва; надобно, милостивой Государь, чтобъ женщина для прозрѣнія своего слѣпова

(*) Островъ Серендибъ по нынѣшнимъ Географамъ есть островъ Цейламъ на Индѣйскомъ морѣ, около мыса Коморина, по сю сторону Венгальскаго залива и линеи, въ первомъ климатѣ. Ночи и дни тамъ всегда бываютъ по 12. часовъ. Столичной городъ лежитъ на прекрасной долинѣ окруженной горою, которая стоитъ посреди острова; называемаго *Адамовъ столъ*; ибо увѣряютъ, что первой человѣкъ сотворенъ былъ на оной, и погребенъ подъ оною же. Сія гора почитается наивысочайшею изъ всей Индіи.

пова мужа, взошла на сіе дерево по вѣтьвямъ, и естьли любовь ея къ своему мужу всегда была постоянная и непорочная, то листья отъ рукъ ея здѣлаются мягкими, и она лехко можетъ взлѣзть на верьхъ де́рева, и почерпнуть изъ золотаго сосуда, повѣшеннаго на шеѣ той птицы, нѣкотораго бѣлаго сока, на подобіе молока̀, которой непрестанно каплетъ изъ ея носа. Сей сокъ, какъ пишетъ въ Арабкой книгѣ, можетъ совершенно дать прозрѣніе, кто бы онаго какимъ бы случаемъ ни лишился, да и тѣмъ самимъ, которые родились слѣпыми, почерпнувши же сего божественнаго сока, сойдетъ она также лехко какъ и взошла: но естьли женщина, которая осмѣлится на сіе дерево взлѣзть, хотя малое что когда нибудь подумала противное чистотѣ брака, или хотя на

одинъ часъ переставала имѣть къ своему мужу чрезвычайную любовь: то отъ безразсуднаго дерзновенія несомнѣнно себѣ смерть получитъ: хотя листья при всходѣ ея на дерево и здѣлаются мягки. Но когда станешь сходить, то по прежнему здѣлаются остры, и она, упадая съ одной вѣтьви на другую, изрѣзана будетъ въ мѣлкія части. Впрочемъ я думаю, милостивой Государь, продолжалъ Абюбекеръ, что сіе дерево, естьли оно подлинно есть, стоитъ еще не вредимо, и что ни одна женщина не отваживалась итти за такою вещью, которую доставать столь трудно и опасно.

Шемсъ-Эддинъ слушалъ сію повѣсть съ удивленіемъ. Не льзя статься, говорилъ онъ, чтобъ въ семъ городѣ нашлась такая жен-

щина; но хотя сіе и весьма рѣдко бываетъ, однако надлежитъ аппробовать, не можемъ ли мы найти такого сокровища.

Для сего намѣренія по царскому указу созывали по Астрахани всѣхъ женъ, не выключая ни одной, у которыхъ мужья слѣпы были. Абюбекеръ въ присутствіи Царя имъ предлагалъ оное, и Царь обѣщалъ той безмѣрное награжденіе, которая возвратитъ ему зрѣніе; однако ни одной не выискалось охотницы, которая бы хотѣла взойти на дерево, по тому что договоръ былъ очень строгой, а смерть извѣстная; и такъ всѣ въ томъ отказали.

Прочіе Астраханскіе доктора весьма между собою смѣялись цареву легковѣрію: сей новой родъ лекарства, говорили они, есть басня

сня выдумки Абюбекеровой, которой хочетъ себя показать разумнымъ человѣкомъ; онъ вступается въ чудныя дѣла, и всегда отличаетъ себя отъ насъ какою нибудь новою и странною выдумкою.

Сіи рѣчи дошли до Абюбекера, которому весьма то досадно было. Сносно ли это, говорилъ онъ женѣ своей и сыну, чтобъ усердіе, которое имѣю я о ханскомъ здоровьѣ превращать въ шутку? Такъ я самъ поѣду въ Серендибъ, и посмотрю, справедливо ли о томъ писано: естьли намѣреніе мое по желанію моему не исполнится, то по крайней мѣрѣ буду имѣть удовольствіе, что я для Государя своего больше одинъ здѣлалъ, нежели всѣ прочіе Астраханскіе доктора.

Отъ

Отъ сего намѣренія ни что не могло его отвратить. Дальняя и трудная дорога его не устрашали. На другой же день пошелъ онъ къ Царю, и объявилъ ему свое намѣреніе.

Сей Государь весьма похвалилъ столь важное его предпріятіе, велѣлъ ему выдать все, что потребно для такой дальной доро́ги, и обѣщалъ, естьли паче чаянія онъ на дорогѣ умретъ, имѣть попеченіе о его женѣ, и одномъ сынѣ, котораго любилъ онъ чрезвычайно. Милостивой Государь, говорилъ докторъ, прощаясь съ Шемсъ-Эддиномъ, естьли я не возвращусь чрезъ три года, то извольте быть увѣрены, что смерть, или другое какое приключеніе, котораго я предвидѣть не могу, будутъ препятствовать моему желанію, чтобъ зрѣ-

ніе

ніе вамЪ возвратить: но совершенно полагаясь на Арабское писаніе, надѣюсь, что моя ѣзда не безполезна будетЪ. ПотомЪ АбюбекерЪ поѣхалЪ вЪ СерендибЪ, и Астраханскіе доктора сЪ великою завистію видѣли, что Царь кЪ нему столь милостивЪ здѣлался.

ШемсЪ-ЭддинЪ вЪ цвѣтущихЪ своихЪ лѣтахЪ, и хотя совсѣмЪ былЪ слѣпЪ, управлялЪ своими подданными сЪ удивительнымЪ благоразуміемЪ. Сидя вЪ своихЪ покояхЪ, непрестанно выдумывалЪ онЪ способы для ихЪ благополучія, и до возвращенія Абюбекерова, положилЪ себѣ такой ненарушимой законЪ, чтобЪ являться народу на всякой день по одному только часу, которой раздѣлилЪ на четыре почти равныя части. ВЪ первую ходилЪ онЪ вЪ большой Астраханской

ской мечетъ для принесенія всенародно молитвы; вторая, третья, а иногда нѣсколько и четвертой назначены были для раздачи милостыни нищимъ, и для принимания словесныхъ или письменныхъ гражданскихъ жалобъ на народныхъ судей; по выслушаніи которыхъ приказывалъ двумъ Визирямъ Мютамгиду и Кюбергѣ, которымъ онъ по большой части свои дѣла поручалъ, по разсмотренію наказывать ихъ, или лишать именія, естьли того достойны будутъ; и съ такимъ праводушіемъ со всѣми поступалъ, что разсужденія его почитали за гаданіе. Что же касается до послѣдней четверти часа, то оную назначилъ для разговора съ разумными людьми. Въ семъ состояло веселіе его чрезъ цѣлой день; и когда доволенъ былъ ихъ разговорами, то за оное ихъ награ-

граждалъ. Слава, чтобъ забавлять Царя, которой почти всегда казался быть въ глубокой задумчивости, болѣе всего поощряла его подданныхъ къ зысканію такихъ людей, которые моглибъ печаль его разбивать, раскасывая веселыя исторіи. Естьли въ Астрахани покажется какой новопріѣжжій, то представляли его тотчасъ Шемсъ-Эддину, и когда тутошніе жители знали что нибудь достойнаго любопытства; то тотчасъ приходили для представленія себя своему Государю, чтобъ его нѣсколько развеселить.

Ужѐ болѣе двухъ лѣтъ прошло, какъ Абюбекеръ поѣхалъ въ островъ Серендибъ, и что Царь, наблюдая точно предписанное себѣ правило, ни одного дня не пропускалъ, чтобъ нѣсколько минутъ

такимъ

такимъ образомъ не повеселиться; какъ въ одно время Визири разговорились промежъ собою о поѣздкѣ Абюбекеровой: Естьлибъ сей докторъ, говорилъ одинъ изъ нихъ, не былъ обманщикъ, и хотябъ въ уреченное время въ Астрахань возвратился; однако намъ весьма трудно будетъ сыскивать такихъ людей, которые моглибъ съ Царемъ разговаривать. Онъ сіе поручилъ намъ, и хотя четверть часа скоро проходитъ, но какъ то по всякой день, то я опасаюсь, что мы напослѣдокъ ничего новаго для него найти не можемъ. Это очень жалко будетъ, отвѣчалъ другой Визирь: Хану весьмя пріятно слышать всякой день какую нибудь новизну, и сіе, такъ сказать, единое только для него въ свѣтѣ утѣшеніе; ибо въ разсужденіи того, какъ сей Государь поступаетъ,

весе-

веселится онъ царствованіемъ только для того, чтобъ непрестанно стараться о благополучіи своихъ подданныхъ.

При семъ разговорѣ былъ одинъ Астраханской докторъ, и думая, что сей удобной есть случай къ удовольствованію своей и товарищей своихъ на Абюбекера зависти, говорилъ Визирямъ: Милостивые государи, всѣ разумные люди сходственнаго съ вами мнѣнія; вы конечно справедливо того опасаетесь; однако я знаю тому одинъ способъ: Бюбекеровъ сынъ, смѣясь вашему безпокойству, въ которомъ, какъ онъ предвидѣлъ, что вы находиться будете, вчера при мнѣ хвасталъ, что онъ бы и одинъ, естьли бъ того захотѣлъ, могъ Царя забавлять разговорами своими до возвращенія отца своего; правда,

сей

сей молодецъ весьма достойной, и около десяти лѣтъ съ крайнимъ прилѣжаніемъ читалъ всѣ любопытныя книги, сколько ихъ ни есть; но не взирая на преострую его память, которую, какъ сказываютъ, онъ имѣетъ, я весьма сомнѣваюсь, чтобъ онъ могъ столь трудное предпріятіе исполнить.

Кюберге хвастовству Абюбекерова сына только лишь посмѣялся; но Мютамгидъ жестоко за то разсердясь, говорилъ: пристойно ли такому молокососу столь не кстати шутить? А когда онъ такъ хвалится; то я хочу, чтобъ онъ свое слово здержалъ; въ противномъ же случаѣ за свое хвастовство отвѣтствовать мнѣ будетъ своею головою.

И послалъ тогда же по Бенъ-Эридуна (такъ назывался Абюбе-

керовъ

керовъ сынъ); и какъ скоро онъ пришелъ, то онъ ему говорилъ: Сей докторъ сказываетъ мнѣ, что ты отваживаешься моему съ Куберге безспокойству, и притомъ хвастаешь, что ты до возвращенія твоего отца, одинъ можешь забавлять Хана твоими разговорами; и когда ты на такія рѣчи столь дерзокъ, то исполняй же оныя самимъ дѣломъ; я при всѣхъ сихъ твоихъ разговорахъ самъ буду, и напередъ тебѣ сказываю, что естьли Царь прискуча твоими разговорами, прикажетъ вмѣсто тебя привести другаго, то я немедленно повелю тебѣ голову срубить. Сіи слова, продолжалъ Мютамгидъ такимъ свирѣпымъ голосомъ, которой въ состояніи былъ устрашить Бенъ-Эридуна.

Бенъ-Эридунъ такому приказанію весьма удивился, и столько

гнѣву видѣлъ на Визирьскомъ лицѣ, что не смѣлъ въ хвастовствѣ своемъ отпереться. Но полагаясь на многое чтеніе книгъ и дарованную отъ природы острую память, бросясь Мютамгиду въ ноги, милостивой государь, говорилъ ему, хотя бы я и много могъ предъявить вамъ въ мое оправданіе, однако ту честь, чтобъ говорить съ Царемъ, столь за велико я почитаю, что не могу противиться самовластному вашему повелѣнію, хотя бы оное и жизни моей стоило, и я готовъ итти предъ Шемсъ-Эддина.

Коварной докторъ, которой остался съ Визирями, чтобъ быть очевидцомъ, что будетъ между ими происходить, отвѣту Бенъ-Эридунову нѣсколько удивился, однакожъ не сомнѣвался о его погибели. Человѣкъ, будучи въ дват-

цать лѣтъ, думалъ онъ самъ въ себѣ, не можетъ столь много пріобрѣсти знанія, чтобъ исполнить такое предпріятіе. Онъ тотчасъ побѣжалъ увѣдомить о томъ своихъ товарищей, которые тому чрезвычайно обрадовались, и заранѣе веселились, что могутъ отмстить Абюбекеру въ его сынѣ.

Визирь Мютамгидъ, видя преданность и униженіе Бенъ-Эридуново, нѣсколько одумался; естьли, говорилъ онъ ему, съ одной стороны извѣстная тебѣ смерть, когда ты не здержишь твоего слова, то на противъ того съ другой несомнѣнное награжденіе, когда обѣщаніе твое исполнишь. Всякой разъ, когда ты выдешь отъ Царя, велю тебѣ выдавать по сту червонныхъ, а притомъ хочу, чтобъ ты ѣлъ со мною за однимъ

столомъ,

столомъ, служили бы тебѣ такъ какъ мнѣ служатъ, и словомъ, между нами никакой разницы не будетъ, кромѣ того, что тебя никуда выпускать не будутъ. Милостивой государь, отвѣчалъ Бенъ-Эридунъ, я должность мою исполнять буду ни для награжденія, ни для великихъ вашихъ обѣщаній; Философія, которой я учился, велитъ презирать всякое богатство, но единственно для одной чести и славы; а естьли бы приказаніе ваше имѣло въ себѣ что нибудь тому противнаго, то бы вы увидѣли, что я бы лучше мучительную смерть принялъ, нежели бы вамъ повиновался: но какъ сіе требуемое вами заключаетъ въ себѣ только честь, то извольте, когда вамъ угодно, въ томъ меня аппробовать; я стараться буду опровергнуть сѣти моихъ непріятелей, и надѣюсь,

что Государь мой доволенъ мною будетъ.

Мютамгиду разумныя Бенъ-Эридуновы слова̀ весьма полюбились, и онъ ясно увидѣлъ лукавство стараго доктора, и что сей молодой человѣкъ не виноватъ въ томъ, въ чемъ его обвиняли: но какъ онъ, такъ сказать, добровольно желалъ забавлять своего Царя, то и представленъ былъ къ оному на другой день. Какъ скоро Бенъ-Эридунъ пришелъ предъ тронъ Шемсъ-Эддиновъ, то повергнулъ себя лицемъ на землю, а потóмъ вставши говорилъ Царю; да изліется на Ваше Величество благодать Всемогущаго, и Ангелъ, которой имѣетъ Васъ нѣкогда предъ его престолъ представить, да не забудетъ ни единаго добраго Вашего дѣла, и да даруетъ Богъ наслаждаться Вамъ

на-

навсегда совершеннымъ благополучіемъ, которое обѣщаетъ великій нашъ пророкъ всѣмъ наблюдающимъ законъ его! Я есмь сынъ Абюбекеровъ, которой уже около двухъ лѣтъ поѣхалъ на островъ Серендибъ; да возвратитъ его небо скорѣе въ сіи мѣста съ божественнымъ лекарствомъ, за которымъ онъ поѣхалъ для возвращенія Вамъ зрѣнія; а до того времени намѣренъ я, милостивѣйшій Государь, всякой день съ Вашимъ Величествомъ говорить въ опредѣленные часы для Вашей забавы.

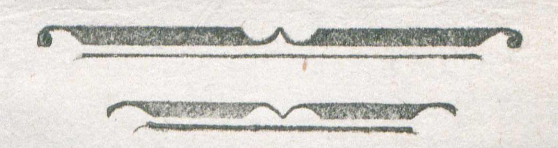
Съ разсужденіемъ ли ты симъ обязуешся, отвѣчалъ ему Астраханской Царь, удивясь нѣсколько его обѣщанію? Знаешь ли ты, что такое предпріятіе выше силъ твоихъ, и что отецъ твой, можетъ быть, еще чрезъ годъ не возвратится.

тится. Милостивой Государь отвѣчалъ молодой Бенъ-Эридунъ, сколь ни трудно достойныя любопытства исторіи Вамъ расказывать; однако я такое множество ихъ знаю одну другой лучше, что хотя бы отецъ мой еще вдвое долѣе проѣздилъ; то бы я не устрашился здержать своего сло́ва, даннаго Визирю Мютамгиду; и естьли Ваше Величество изволите меня удостоить, то я начну Вамъ весьма любопытною повѣстію.

Шемсъ-Эддинъ еще больше прежняго удивился; надобно, говорилъ онъ ему, чтобъ ты весьма особливой человѣкъ былъ, что трудности тебя не устрашаютъ. На противъ того, милостивой Государь, отвѣчалъ Бенъ-Эридунъ, они меня поощряютъ: я такую острую имѣю память, что ничего

не

не забуду, что читалЪ, или что слыхалЪ; и какЪ я за веселье себѢ почиталЪ обходиться сЪ престарѢлыми и разумнѢйшими вЪ Астрахани людьми, изЪ которыхЪ ужѐ бо́льшая половина померли, то я столько знаю разныхЪ исторій, что безЪ хвастовства могу Ваше Величество увѢрить, что не много сыщется вЪ семЪ городѢ мнѢ подобныхЪ. ОбЪ етомЪ я самЪ разсужу, отвѢчалЪ ему Царь. Сядь на софу подлѢ Мютамгида, и расказывай исторію, о которой ты мнѢ говорилЪ. БенЪ-ЭридунЪ, повинуясь ЩемсЪ-Эддинову приказанію, на софу сѢлЪ, и началЪ слѢдующимЪ порядкомЪ:

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

ПОВѢСТЬ

О Шерефъ-Эльдинѣ, сынѣ Ормусскаго Царя

и

Тюлюфанской Принцессѣ Гюль-Гиндѣ.

Въ древнія времена, милостивой Государь, было въ великой Тартаріи два рода разныхъ духовъ: одни будучи склонны ко всякому добру, признавали за своего царя великаго (*) Жеонга, а другіе стараясь только дѣлать людямъ всякое зло, начальникомъ своимъ почитали неистоваго Зелулу.

Сіи два начальника духовъ около трехъ сотъ лѣтъ, безпрестанно находились между собою въ несо-гласіи.

(*) Жеонга на Персидскомъ языкѣ значитъ царь свѣта.

гласіи. Кого защищалъ Жеонга, того немедленно старался гнать Зелулу; также и Зелулу не дѣлалъ ни одного худаго на земли дѣла, котораго бъ Жеонга не старался тотчасъ исправить.

Какъ нѣкогда сіи два духа были на берегу рѣки Салгоры для прекращенія своей ссоры, то Мохзадинъ, Царь Тюлюфанской и съ прекрасною своею супругою Ризою, возвращаясь съ охоты за дикими козами, проѣхали мимо того мѣста, гдѣ сіи духи находились.

Зелулу, всегда имѣя склонность дѣлать зло, не хотѣлъ пропустить такого удобнаго случая для своей забавы, и не смотря на прозьбу Жеонгову. Сей злой духъ, приблизившись къ Ризѣ, которая ѣхала подлѣ Мохзадина, такъ сильно вдругъ

дунулЪ лошади вЪ ухо, что она испужавшись Цареву помчала, сколько она ни старалась ея удержать, и втащила было вЪ рѣку, которая вЪ томЪ мѣстѣ была очень глубока, естьлибЪ Жеонга, подоспѣвЪ ей на помощь, не срубилЪ за одинЪ махЪ саблею лошади голову, и не удержалЪ бы вЪ своихЪ рукахЪ Царевы, которая отЪ страху вЪ обморокЪ упала. Сей добродѣтельной духЪ далЪ ей понюхать розовой цвѣтокЪ, которой у него вЪ рукѣ тогда случился, и Царева не только что опамятовалась, но и платье ея, которое было на ней зеленое, здѣлалось розоваго цвѣта; и безЪ всякой перемѣны чертЪ лица̀ ея, красота ея столько умножилась, что Король самЪ, которой весьма испужавшись погибели своей супруги, скакалЪ за сю во весь лошадиной опорЪ, на

силу

силу могъ ея узнать. Онъ и вся его свита находились въ несказанномъ изумленіи. Необыкновенная смерть Ризиной лошади, платья розоваго цвѣта и чрезвычайная ея красота, а все сіе зделанное въ толь короткое время; а отъ кого такія чудеса произошли, не извѣстно; ибо дýхи невидимы были, все сіе, говорю я, приводило Короля и Королеву въ сомнѣніе, и они сами не могли вѣрить своимъ глазамъ.

По возвращеніи въ Тюлюфанъ, вошедъ одни въ свою комнату, разговаривали они о семъ чудѣ съ удивленіемъ, какъ нечаянно объяты были ужасомъ и почтеніемъ, увидя нѣкотораго старика, которой вдругъ предъ ними показался, такъ что не могли они видѣть, откуда бы онъ вошелъ. Не бойтесь, мои

дѣти, говорилъ онъ имъ съ кротостїю: я есмь Жеонга царь духовъ, и я избавилъ прекрасную Ризу отъ погибели, въ которую было ввергнулъ ея испужавъ ея лошадь Зелулу, [которой на земли прославился премногими злыми дѣлами]. Это я здѣлалъ, продолжалъ онъ, чтобъ никто изъ женскаго пола прекраснѣе ея не былъ: но такими малыми благодѣянїями я не доволенъ, а хочу еще разрѣшить безплодность сей Принцессы; отъ нынѣшняго дня чрезъ девять мѣсяцовъ произведетъ она на свѣтъ дочь столь же прекрасную, какъ и сама она.

Сей духъ, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, выговоря сїи слова, опять вдругъ невидимъ сталъ, оставя Тюлюфанскаго Короля и Королеву въ несказанной о такомъ обна-

обнадеживаніи радости; сколь не вѣроятны они ни были, однако стали вѣрить; ибо Риза, будучи за́ мужемъ семь лѣтъ, и не имѣя удовольствія быть матерью, увидѣла скоро въ самомъ дѣйствіи Жеонгово обѣщаніе, и точно, по прошествіи девяти мѣсяцовъ, родила она дочь пресовершенной красоты, и дала ей имя Гюль-Гинди.

Лишь только сія Принцесса родилась, то вышепомянутой духъ опять показался въ комнатѣ у Ризы и Мохзадина. Я очень радуюсь, говорилъ онъ имъ, что имѣю случай помогать такому прекрасному созданію, и пришелъ вамъ сказать, какая будетъ ей судьбина. Вчера былъ я при рожденіи у Короля Ормусскаго сына, котораго назвалъ Шерефъ-Эльдиномъ, и я столько

нахожу сходства и симпатіи между имЪ и сею прекрасною Принцессою, что вознамѣрился соединить ихЪ нѣкогда наисвятѣйшимЪ; но только я предвижу, что благополучіе, которымЪ должны они наслаждаться, прервется прежестокою горестію, отЪ которой Гюль-Гинди весьма близко смерти будетЪ, естьли познаются они между собою моложе семьнатцати лѣтЪ. ВамЪ, государь, продолжалЪ духЪ оборотившись кЪ Мохзадину, не надлежитЪ допускать, чтобЪ Принцесса какого либо чужестранца видѣла, пока не пройдетЪ то время, которое какЪ предвозвѣщаютЪ мнѣ звѣзды, будетЪ ей весьма нещастливо. Сей одинЪ только я способЪ нахожу, естьли вы не хотите ея отдать на мои руки, отЪ котораго бы приключенія также и другихЪ нещастій конечно бы я ея ибавилЪ.

Мох-

Мохзадинъ и Риза удивились Жеонговымъ словамъ, и хотя вѣрили нѣсколько его предсказанію, однако не хотѣли лишиться зрѣнія такого младенца, котораго они столько лѣтъ желали. Они весьма учтиво просили духа, чтобъ онъ не прогнѣвался, естьли оставятъ при себѣ маленькую дочь свою, и обнадежили его, что столько будутъ о ней стараться, что она во всякой безопасности будетъ отъ Принца Шерефъ-Эльдина. Дай Боже, отвѣчалъ духъ, только смотрите, какъ скоро сей Принцессѣ десять лѣтъ исполнится, то не показывайте ея ни одному мущинѣ, и чѣмъ больше приближаться будетъ къ шестьнатцатому году, тѣмъ бо́льшая для нея опасность. Потомъ взявъ ея къ себѣ на́ руки, одарилъ ея всѣми добрыми качествами, дѣлающими женщину совер-

совершенною, и получа отъ Царя и Царевы множество благодареній, удалился отъ нихъ какъ молнія.

Едва лишь, милостивой Государь, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, злой Зелулу, которой въ послѣднемъ съ Жеонгою сходьбищѣ помириться не могъ, провѣдалъ, что Жеонга здѣлалъ для Гюль-Гинди и Шерефъ-Эльдина, то вздумалъ для своего утѣшенія жизнь сихъ двухъ младенцовъ здѣлать нещастливою, и для того полетѣвъ ночью во дворецъ Царя Ормусскаго, маленькаго Принца перенесъ къ Мохзадину, одѣвъ его въ Гюль-Гиндино платье, а сію Принцессу переодѣвъ въ Шерефъ-Эльдиново, положилъ въ колыбель Принца Ормусскаго.

Легко можно разсудить объ удивленіи сихъ двухъ кормилицъ...

Въ семъ мѣстѣ Бенъ-Эридунъ рѣчь свою перервалъ при входѣ чернаго невольника, которой ежедневно приходилъ сказывать Астраханскому Хану, что ужѐ часъ прошолъ. Какъ скоро сей невольникъ войдетъ, то Шемсъ-Эддинъ вставши, пойдетъ въ свои покои, а Бенъ Эридунъ расказывать перестанетъ, и начнетъ свою исторію; естьли оную еще не окончилъ, то досказывать на другой день; а естьли окончилъ, то другую какую нибудь начнетъ.

Такимъ порядкомъ раздѣлена въ подлинникѣ Арабскомъ тысяча и одна четверть часа. Но я думая, что читателю гораздо пріятнѣе будетъ читать сіи повѣсти безъ прерывки, всѣ такія повторенія оставляю, безъ которыхъ бы обойтись не можно было.

ВТОРАЯ

ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Двѣ кормилицы, продолжалъ свою рѣчь слѣдующаго дня Бенъ-Эридунъ, весьма по утру изумились, увидя, что ихъ младенцы совсѣмъ порородились, и смотрѣли еще на нихъ съ превеликимъ удивленіемъ, какъ Зелулу показался той и другой въ образѣ престрашнаго карлы, и грозилъ сломить имъ шеи, естьли они о семъ превращеніи хотя малое что говорить будутъ, и пропалъ изъ ихъ глазъ, увѣривъ ихъ напередъ, что естьли прежде семьнатцати лѣтъ какимъ либо образомъ оное провѣдается, то они вѣчно попадутся въ его руки.

Сіи бѣдныя бабы такъ испужались, что не смѣли о томъ и рта отворить; ибо отъ того ихъ жизнь зависѣла, и духъ столько ихъ настра-

стращалЪ, что лучше бы они всякія муки претерпѣли, нежели тайну сію открыть.

ТакимЪ образомЪ ШерефЪ-ЭльдинЪ воспитанЪ былЪ при ДворѢ Короля Мохзадина, подЪ именемЪ Гюль-Гинди; а сія Принцесса возрастая подЪ именемЪ и платьемЪ его, такЪ совершенно вЪ короткое время выучилась всѢмЪ тѢлеснымЪ экзерциціямЪ, что будучи пятьнатцати лѢтЪ, превосходила храбростію всѢхЪ подданныхЪ Царя Ормусскаго.

Молодой ПринцЪ также воспитанЪ былЪ не по пристойности своему полу, но совсѢмЪ противнымЪ тому образомЪ. ОнЪ обыкновенно упражнялся шить золотомЪ, и какЪ минуло ему десять лѢтЪ, то по Жеонгову приказанію онЪ

былЪ

былъ безвыходно въ своихъ покояхъ, въ которое, кромѣ Царя Тюлюфанскаго ни одинъ мущина впускаемъ не былъ, и покидалъ тогда только свое шитье, когда вздумается ѣхать ему на охоту въ звѣринецъ съ своими мамками и нѣсколькими евнухами.

Кормилица его, именемъ Меру, которая при немъ всегда была безотлучно, видя, что ему приближался шестьнатцатой годъ, накрѣпко ему подтверждала скрывать о своемъ полѣ, и представляла, что отъ того благополучїе его жизни зависѣло. Но для чего, говаривалъ ей Шерефъ-Эльдинъ, заливаясь слезами, воспитаютъ меня какъ дѣвицу, и лишаютъ такихъ наукъ, которымъ обучаютъ Принцовъ мнѣ равномѣрныхъ? И что за причина моимъ родителямъ содер-

содержать меня въ праздности? Этово, отвѣчала Меру, я не знаю, но только извѣстно мнѣ, любезной мой Принцъ, или лучше, моя Принцесса, ибо первымъ именемъ и называть васъ опасно, что въ ономъ и самъ Мохзадинъ съ Ризою ошибаются; они почитаютъ васъ за дочь, въ чемъ увѣрены они были своими глазами, но послѣ ужѐ дѣла̀ весьма перемѣнились. Теперь мнѣ вамъ говорить больше нечего, послѣ вы сами обстоятельнѣе провѣдаете; только для Бога не наведите на себя нещастія, которое неотмѣнно надъ вами будетъ, ежели вы прежде семьнатцати лѣтъ обьявите о своемъ полѣ.

Принцъ удивляясь симъ рѣчамъ, весьма много о нихъ разсуждалъ; но не въ состояніи будучи отгадать оныхъ силы, вознамѣрился послѣ-

послѣдовать разумнымъ совѣтамъ своей кормилицы, и для прогнанія своей скуки, ѣздилъ на охоту такъ часто, какъ только ему можно было.

Въ одинъ вечеръ Мохзадинъ и Риза, разговаривая съ мнимою своею дочерью, Королева расказывала, какъ уже и прежде много разъ о ея рожденіи, и что царь духовъ обѣщалъ ея соединить съ сыномъ Царя Ормусскаго. Сіи слова такъ часто повторяемыя приводили Принца въ отчаяніе. Онъ не зналъ что ему дѣлать, и на конецъ вздумалъ, чтобы съ нимъ ни случилось, на вѣки удалиться отъ такого мѣста, гдѣ препровождалъ онъ жизнь неприличную его пола. Сего намѣренія произвести въ дѣйство не очень легко было, по тому что у всѣхъ воротъ стояли на караулѣ

раулѣ неусыпные евнухи: однако избралъ къ тому время, поѣхавъ на охоту, и взявъ съ собою два полные кошелька червонныхъ и множество драгоцѣнныхъ каменьевъ: будучи же притомъ на хорошей лошади, лехко отъ своей свиты отдалился, и ѣдучи прямо къ воротамъ звѣринца, которыя были въ полѣ, приказывалъ стоящему на караулѣ евнуху оныя отворить. Сей невольникъ отворить ему не хотѣлъ; но Принцъ тотчасъ срубивъ ему голову саблею, которую онъ ѣздя на охоту всегда имѣлъ при себѣ, ключи у него вынулъ, и выѣхавши изъ воротъ, пустился во весь лошадиной опоръ по первой попавшейся тропинкѣ, и скакалъ не останавливаясь ни на часъ цѣлыя сутки.

Мамки и евнухи мнимой Принцессы искали ея по звѣринцу съ

край-

крайнимъ прилѣжаніемъ. Обѣгавъ же попустому всѣ дороги въ ономъ звѣринцѣ, доѣхали на конецъ и до воротъ, которыя были отворены, и увидя тутъ мертвое евнухово тѣло, весьма изумились; они заключили, что конечно Гюль-Гинди какое нещастіе приключилось. Печальной сей вѣсти Царю и Царевѣ никто не хотѣлъ принести, однако не обходимо надобно было, и они услыша сіе, едва было съ печали не умерли. О, небо! вскричала Королева, вырывая у себя на головѣ волосы, и царапала лицо, для чего мы не вѣрили преразумному Жеонгѣ; теперь бы мы не претерпѣвали такой несносной печали. Конечно Гюль-Гинди увезли насильствомъ; духъ справедливо намъ сказывалъ о семъ нещастіи. Дай Боже! чтобъ любезная моя дочь отъ всякаго зла благополучно избавилась. Между

Между тѣмъ какъ Царь и Царева провождали время въ печали и безполезныхъ разсужденіяхъ, Принцъ непрестанно уѣжжалъ далѣ, сколько ни старались его догонять. Онъ ѣхалъ до тѣхъ поръ, пока у лошади была сила, и остановился ужè тогда, какъ она подъ нимъ издохла. Будучи пѣшъ весьма онъ о томъ было затужился, но увидя идущаго близъ его одного молодаго татарина, спросилъ у него: не знаешь ли, другъ мой, у кого продажной лошади? Ты, сударыня, отвѣчалъ онъ ему, почитая Шерефъ-Эльдина по платью за женщину, очень кстати у меня изволила спросить. Отецъ мой, которой на нѣсколько отсюда шаговъ живетъ, весьма много ими торгуетъ. Принцъ за нимъ пошелъ, купилъ у его отца хорошую лошадь, и нѣсколько часовъ отдохнувъ, отправился

вЪ путь. ОнЪ ѢхалЪ нѢсколько дней сЪ ряду почти совсѢмЪ не останавливаясь, и на послѢдокЪ пріѢхалЪ кЪ морской пристани, гдѢ засталЪ судно, отправляющееся вЪ городЪ СуратЪ. КорабельщикЪ на ономЪ суднѢ былЪ около сорока лѢтЪ, и человѢкЪ весьма пригожей, принялЪ Принца со всякимЪ почтеніемЪ, какЪ надлежитЪ знатную дѢвицу, которая, какЪ ПринцЪ ему о себѢ сказалЪ, ѢдетЪ вЪ Индію для полученія богатаго наслѢдства, оставшагося послѢ отца ея и матери, которая по смерти своего мужа также скоропостижно скончалась; онЪ пригласилЪ его кЪ своему столу, которое учтивство принялЪ ШерефЪ-ЭльдинЪ тѢмЪ охотнѢе, что сѢвши на корабль такимЪ нечаяннымЪ случаемЪ, не имѢлЪ онЪ времени закупить себѢ никакого провіанта.

Кушанье было приготовлено преизрядное, но по окончаніи обѣда весьма онъ удивился, увидя, вошедшую къ нимъ въ каюту, гдѣ они сидѣли, женщину чрезмѣрной красоты, которая говорила корабельщику слѣдующія слова:

„Помни, Синадабъ, что Богъ „намъ далъ родителей, чтобъ мы „имъ были покорны. Самъ Богъ „глаголетъ къ намъ чрезъ ихъ у-„ста! нещастливъ тотъ чело-„вѣкъ, кто ихъ презираетъ, и не „повинуется съ почтеніемъ ихъ „приказаніямъ „.

Синадабъ послѣ сихъ словъ всталъ изъ-за стола, и потекли у него изъ глазъ слезы; потомъ упавъ лицемъ на землю, лежалъ такъ нѣсколько времени, и вставъ опять съ изъявляющею на лицѣ

печалію, говорилъ ей: прекрасной Рукія, я никогда не позабуду полезнаго сего совѣта. Прошедшія мои нещастія довольно оной вкоренили въ мое сердце, однако не оставляйте по вашему обыкновенію повторять мнѣ оной ежедневно.

ТРЕТЬЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Принцъ Шерефъ-Эльдинъ глядѣлъ на Синадаба съ удивленіемъ, что сей примѣтя, говорилъ ему, вамъ бы, государыня моя, не удивительно показалось, когдабъ вы знали причину сей церемоніи, и для чего сія женщина послѣ всякаго кушанья, какъ вы слышали, повторяетъ тѣ же слова. Шерефъ-Эльдинъ оказывалъ свое желаніе и любопытство узнать тому причину; и вотъ, милостивой Государь, продолжалъ

Бенъ-

БенЪ-ЭридунЪ, какимЪ образомЪ началЪ СинадабЪ ему раскаzывать.

ПОВѢСТЬ

О Синадабѣ, сынѣ Доктора Сазана.

Отецъ мой, именемъ Сазанъ, былъ докторъ города Сюеза, онъ упражнялся въ семъ искусствѣ съ великою похвалою весьма долгое время: не имѣя же у себя кромѣ меня никого дѣтей, не жалѣлъ онъ ничего для моего воспитанія. Мнѣ уже было около дватцати лѣтъ, и онъ желалъ, чтобъ я принялся за то же искусство, какъ онъ самъ; но кромѣ того, что я имѣлъ къ оному чрезвычайное отвращеніе. Какъ почитался онъ за весьма богатаго человѣка, то я не думалъ имѣть нужды въ ремеслѣ

для прокормленія своего: я себѣ воображалъ, что оставшагося мнѣ послѣ его имѣнія станетъ еще и съ лишкомъ для препровожденія моей жизни въ роскошахъ и веселостяхъ, и безъ того чтобъ я принужденъ былъ употреблять какой либо трудъ. Представленія моего отца не могли меня отвратить отъ сего намѣренія, и онъ отъ того столь сильно запечалился, что занемогъ, и лежавши въ постели пять или шесть мѣсяцовъ, жизнь свою окончилъ.

Предъ самою же своею кончиною призвавъ меня къ себѣ говорилъ мнѣ: сынъ мой, когда уже я отъ тебя при жизни моей никакого удовольствія не получилъ, то потѣшь меня по крайней мѣрѣ хотя при смерти, и обѣщай мнѣ, что ты точно послѣдовать будешь

тремъ

тремъ моимъ завѣщаніямъ : я предвижу, что оныя тебѣ весьма нужны будутъ. Клянись мнѣ Алкораномъ, что они никогда изъ твоей памяти не выдутъ. Я залившись слезами, продолжалъ Синадабъ, клялся моему отцу, что буду исполнять его завѣщанія; и вотъ что сударыня, сей доброй старикъ обнимая меня наказывалъ мнѣ: Я тебѣ довольно оставляю имѣнія, а можетъ быть и съ лишкомъ, чтобъ прожить твой вѣкъ какъ честному человѣку; старайся, любезной мой Синадабъ, оное беречь, но естьли какимъ либо случаемъ, котораго я предвидѣть не могу, онаго лишишся, то никогда не вступай въ службу такого Государя, о котораго ты нравѣ и свойствахъ совершенно не знаешь: второе, помни всегда, чтобъ сколько ты жену свою горячо ни любилъ,

билЪ, не открывать ей своей тайны, отЪ которой бы жизнь твоя зависѢла ; третіе, не бери кЪ себѢ вмѢсто сына никакого пріемыша.

Едва лишь окончилЪ я моему отцу вторичную АлкораномЪ клятву вЪ точномЪ наблюденіи сихЪ трехЪ завѢщаній, какЪ глаза̀ его покрылись вѢчнымЪ муракомЪ, и душа его взята была АнгеломЪ смерти. При такомЪ плачевномЪ позорищѢ слёзы мои умножились, и я отдалЪ послѢдней долгЪ своему отцу со всякою сыновнею горячностію.

ПодЪ изголовьемЪ его нашелЪ я копію сЪ духовной, которой подлинникЪ оставилЪ онЪ у Кади. По силѢ оной имѢлЪ я полную власть во всемЪ его имѢніи, вы-

ключая только маленькаго загороднаго садика, въ которомъ зделана была преизрядная зала. Онъ не далъ мнѣ позволенія продать оной для какой бы то причины ни было.

Сіе запрещеніе показалось мнѣ за такую безделку, что я о томъ много и не думалъ, а помышлялъ только поприлѣжнѣе осмотрѣть доставшееся мнѣ имѣніе. Я нашелъ больше ста тысячь золотыхъ чекиновъ, множество предорогихъ бриліантовъ, и прочихъ великолѣпнѣйшихъ домовыхъ уборовъ. Какъ скоро благопристойность позволила мнѣ показаться въ люди, то я собралъ къ себѣ моихъ пріятелей около осьми человѣкъ, подарилъ каждому изъ нихъ по одной прекрасной невольницѣ, и держалъ ихъ въ моемъ домѣ десять дней съ ряду, потчивая ихъ весьма велико-

 лико-

ликолѣпно. На послѣдокъ, государыня моя, продолжалъ Синадабъ, чтобъ не наскучить вамъ точнымъ расказыванïемъ о всѣхъ моихъ глупостяхъ и мотовствахъ, въ которыхъ я препровождалъ каждой день, скажу вамъ только, что продолжая такую жизнь около двухъ лѣтъ, вдругъ у меня не стало денегъ. Друзья мои, которые въ веселостяхъ меня не оставляли, присовѣтовали мнѣ сбывать съ рукъ драгоцѣнные каменья и прочïе уборы; и такъ я продавалъ ихъ всѣ одну вещь за другою за половину настоящей ихъ цѣны. На конецъ то же я здѣлалъ и съ оставшимися послѣ отца моего дворами, выключая токмо загороднаго саду, котораго я продать не властенъ былъ: а на послѣдокъ дошелъ я до того, что остался только у меня одинъ кавтанъ, да

соколъ,

соколъ, котораго я выучилъ летать за птицами.

Друзья мои увидя мою бѣдность, тотчасъ меня бросили. Сколько ни попрекалъ я имъ за ихъ неблагодарность, но они же мнѣ еще и насмѣхались, и изъ всѣхъ ихъ нашелся только одинъ, которой, сжалясь на бѣдное мое состояніе, далъ мнѣ десять чекиновъ.

Какъ я ничего не ѣлъ два дни съ ряду, то почиталъ сіи деньги за даръ съ неба, и стыдясь развратной своей жизни, пошелъ на Сюескую пристань въ томъ намѣреніи, чтобъ съ первымъ судномъ уѣхать изъ сего го́рода. Я по щастію нашелъ одно судно, отправляющееся въ Адель, и закупивъ на малыя мои деньги нѣсколько себѣ на дорогу провіанта, сѣлъ на

оное и съ соколомъ своимъ, и въ Адель приплыли мы безъ всякаго приключенія.

Отъ десяти чекиновъ осталось только у меня три; я вознамѣрился ихъ беречь, а питаться искусствомъ моего сокола. Я имѣлъ особливое дарованіе въ обученіи соколовъ къ ловлѣ, и своего сокола такъ я пріучилъ, что онъ поиманныхъ птицъ не убивалъ, а выклевывалъ только имъ своимъ носомъ оба глаза; почему бралъ я ихъ всегда живыми; такимъ образомъ дичины я имѣлъ довольно какъ для пропитанія себя, такъ и престарѣлой вдовы, у которой жилъ я въ домѣ, а сверьхъ того носилъ еще всякой день и къ царскому купчинѣ, которой за то мнѣ платилъ дорогою цѣною, и удивляясь тому, что я ему раскавывалъ о моемъ соколѣ, донесъ объ ономъ Царю.

Сей

Сей Государь охотникъ будучи до птичной ловли, велѣлъ меня привести предъ себя, и сказалъ мнѣ, что онъ желаетъ посмотрѣть моего сокола на лету, и чтобъ я завтра на разсвѣтѣ и съ нимъ готовъ былъ. Я оное исполнилъ съ радостію, и Царю столько понравилось проворство, легость и послушаніе моего сокола, что спрашивалъ у меня, за сколько я его продать хочу. Милостивой Государь, отвѣчалъ я, отъ всего моего имѣнія, доставшагося мнѣ послѣ смерти моего отца, котораго было больше двухъ сотъ тысячь чекиновъ, одинъ только онъ у меня остался, и въ нынѣшней моей бѣдности меня питаетъ: но естьли имѣетъ онъ щастіе понравиться Вашему Величеству, то я довольно себѣ платы получу, когда только Вы удостоите принять его отъ меня.

Адельской Царь, продолжалъ Синадабъ, велѣлъ немедленно мнѣ выдать дватцать тысячь чекиновъ, приказалъ мнѣ жить въ своемъ дворцѣ; и пожаловалъ меня Оберъ-Егермейстеромъ. Однимъ словомъ, государыня моя, сей Государь столь до меня милостивъ былъ, что я въ короткое время зделался Верьховнымъ его Визиремъ и первымъ повѣреннымъ. Всякой день ѣздилъ съ нимъ на охоту, и обыкновенно оставлялъ его только тогда, когда уходилъ онъ въ покои своихъ женъ.

Сколь бы нещастливымъ себя я почиталъ, любезной мой Синадабъ, говорилъ нѣкогда онъ мнѣ: есть ли бы я тебя лишился, ты наибольшее увеселенiе дѣлаешь въ моей жизни. Милостивой Государь, отвѣчалъ я: благополучiе великихъ

людей весьма непостоянно, и разумной человѣкъ не можетъ твердо на оное полагаться: сево дни нахожусь я у Васъ во всякой милости, а завтра, можетъ быть, буду окованъ весь цѣпями, которыя Вы же прикажете на меня наложить. Нѣтъ, нѣтъ, Визирь, говорилъ онъ мнѣ, ничего не опасайся, я тебя всегда любить буду; а чтобъ привести тебя еще въ большую любовь, и выгнать изъ головы память о твоемъ отечествѣ, я хочу, чтобъ ты женился на одной моей сестрѣ, у меня ихъ три, и всѣ красоты совершенной: я тебѣ всѣхъ ихъ покажу, но только такъ, чтобъ они того не знали, и естьли ты имѣешь свободное сердце, то хочу, чтобъ та, которая тебѣ больше полюбится, была завтра твоею женою. Я за такую его милость поклонился ему въ ноги; онъ меня

под-

подняль, и любезно обнявь, ввель меня вь свой кабинеть, и поставиль за большія ширмы изь чернаго флёру, а самь послаль начальника евнуховь за тремя Принцессами.

ЧЕТВЕРТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Царской приказь исполнень быль немедленно, и чрезь минуту вошли три женщины красоты безпримѣрной и сіяющія какь полной мѣсяць. Сей Государь, поговоря сь ними о дѣлахь постороннихь, отпустиль ихь вь свои покои, а меня вывель изь-за ширмовь, за которыми я стояль. Ну, любезной мой Визирь, говориль онь мнѣ: кь которой изь трехь моихь сестерь больше твое сердце склонно? Ахь! Милостивой Государь, отвѣ-

чаль

чалЪ я съ восторгомЪ: они всѢ такЪ прекрасны, что я вЪ короткое время не могу сказать . . . НѢтЪ, нѢтЪ, перервалЪ мою рѢчь Царь, конечно одна которая нибудь полюбилась тебѢ лучше, признайся мнѢ, я за тебя оную отдамЪ отЪ всего моего сердца, и приказываю тебѢ открыть твою мысль по самой правдѢ. Милостивой Государь, отвѢчалЪ я, когда приказываете Вы мнѢ неотмѢнно: молодшая изЪ трехЪ ПринцессЪ пронзила мое сердце гораздо чувствительнѢе; но сколько бы, Ваше Величество, милости кЪ Вашему рабу ни оказывали; однако благополучіе мое несовершенно было бы, естьлибЪ получилЪ я Принцессу не по ея волѢ: вотЪ какія нѢжныя мысли, отвѢчалЪ Царь, однако я и сіе тебѢ удовольствіе здѢлаю. Тогда приказалЪ онЪ начальнику евнуховЪ

по-

позвать Бюземкиру, симъ именемъ называлась та Принцесса, которая тотчасъ потомъ и пришла. Любезная моя Бюземкира, говорилъ ей Царь, обнявъ ея, я хочу тебя выдать за́-мужъ, но только принуждать тебя не намѣренъ. Визирь Синадабъ, котораго ты видишь, и котораго предлагаю тебѣ женихомъ, также безъ твоего согласія онаго здѣлать не хочетъ: я тебя оставляю съ нимъ, подумай хорошенько сама съ собою о рѣшителвномъ мнѣ отвѣтѣ, и будь увѣрена, что какой бы оной ни былъ, я сердиться за то не буду.

Потомъ Адельской Царь вышелъ, и оставилъ за дверьми начальника евнуховъ. Какіе у насъ съ Бюземкирою были разговоры, о томъ вамъ, государыня моя, много расказывать нѣчего. Она мнѣ

чисто-

чистосердечно открылась, что она за щастіе почитать будетъ, имѣть меня себѣ мужемъ, и не однократно увѣряла меня, что послушаніе, которымъ она должна Царю, своему брату, въ искренней ея ко мнѣ склонности никакого участія не имѣло. По такому обнадеживанію женился я на ней со всякимъ великолѣпіемъ, и городъ Адель не малое имѣлъ участіе въ моей радости, по тому что Царь сложилъ съ жителей онаго одну четверть всякихъ пошлинъ.

По прошествіи нѣсколько мѣсяцовъ Бюземкира понесла младенца. Какъ я ея любилъ горячо, то почувствовалъ отъ того несказанную радость, которая однакожъ скоро миновалась. Бюземкира нечаянно упала, весьма опасно ушиблась, и едва было не умерла выкинувъ младенца.

По прилѣжному около ея хожденію, она скоро оздоровѣла, однако чрезъ пять лѣтъ, дѣтей мы у себя не имѣли, и совѣтовали объ ономъ съ искуснѣйшими въ Аделѣ докторами, которые всѣ единогласно обнадежили, что Принцесса, моя жена, никогда матерью не будетъ.

Сіе объявленіе весьма опечалило Бюземкиру, которую я много любилъ, и которая ко мнѣ также совершенную горячность имѣла; и въ одинъ вечеръ сидя мы съ нею одни, говорила она мнѣ: я вижу, что ужѐ на вѣки лишена удовольствія произвесть вамъ наслѣдниковъ, такъ уменьшимъ, сударь, по крайней мѣрѣ сію прискорбность, взявъ къ себѣ вмѣсто сына маленькаго Руми; [сей государыня моя, продолжалъ Синадабъ, былъ сынъ одного изъ моихъ невольниковъ, и

будучи четырехъ лѣтъ, весьма хорошую по возрасту своему подавалъ надежду,]и какъ я Бюземкирѣ ни въ чемъ не спорилъ, то и на сіе предложеніе съ соизволенія Царя Адельскаго охотно согласился. Я воспиталъ Руми какъ роднаго своего сына, и всячески старался для приведенія его въ совершенство.

Прошло ужѐ около десяти лѣтъ, какъ Руми почиталъ меня за отца, и я имъ весьма доволенъ былъ. Какъ въ одну ночь лежавши я съ Бюземкирою, и долго не заснувъ, вспамятовалъ послѣдния отцовскія ко мнѣ слова̀, и что велѣлъ онъ мнѣ клясться Алкораномъ. Я тому только лишь посмѣялся. Старые люди, думалъ я самъ въ себѣ, изъ ума выживаютъ: имѣніе свое я все прожилъ, и вступилъ въ

службу

службу къ такому Государю, про котораго и не слыхалъ почти совсѣмъ, такъ развѣ тѣмъ себѣ я хуже здѣлалъ? На противъ того могу ли я себѣ желать бо́льшаго и превосходнѣйшаго щастія, какъ быть Визиремъ и шуриномъ сильнаго Царя, которой все свое удовольствіе въ томъ поставляетъ, чтобъ видѣть меня при себѣ. Не смотря же на запрещеніе моего отца и вмѣсто сына взялъ я Руми, и какое же удовольствіе вижу я отъ сего ребенка, которой будучи пятнатцати лѣтъ, оказываетъ природную свою остроту и разумъ, и отъ котораго надѣюсь я со временемъ всякую благодарность получить! Нѣтъ, нѣтъ, не должно столь слѣпо раболѣпствовать повелѣніямъ своихъ родителей, когда доживаютъ они до старости, то не только чтобъ другимъ подавать

давать наставленія, они сами себя не знают как вести.

В таких изрядных размышленіях, государыня моя, я заснул, однако и на другой день пришли они мнѣ опять в голову. Вот ужѐ, думал я сам в себѣ, двум совѣтам моего отца я не послѣдовал; а нещастія над собою еще никакого не вижу: посмотрим, ежели и с третьим то же здѣлается. Расмышляя о сем нѣсколько времени, вздумал я слѣдующе:

Бюземкира многократно роптала на Царя Адельскаго, что он меня от нея увозил с собою на охоту, откуда я не рѣдко возвращался гораздо утомленым: жалобы ея вложили мнѣ в мысль, чтоб испытать: может ли моя жена сохранить мнѣ тайну?

ПЯТАЯ

ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Я пошелъ на птичей дворъ, и взялъ самаго любимаго царскаго сокола, такъ что никто того не видалъ, отнесъ его въ свой кабинетъ, которой у меня былъ зделанъ въ загородномъ саду, велѣлъ его кормить тамошнему дворнику нѣмому, съ такимъ приказаніемъ, чтобъ онъ отнюдь изъ саду не выходилъ, пока отъ меня по него не придутъ, и не покажутъ ему мой перстень. Потóмъ взялъ я отъ саду ключь, которой заперъ двумя́ замка́ми, и отнесъ его къ одному надежнѣйшему своему другу. Ежели ты „ увидишь, говорилъ я ему, жизнь „ мою въ опасности, которая, какъ предвижу я, случится со мною весьма скоро; то пожалуй здѣлай дружбу, сходи въ мой садъ, отъ котораго вотъ тебѣ ключь, и покажи

кажи сей перстень нѣмому, которой тамъ дворникомъ, и приведи его ко мнѣ съ ввѣреннымъ ему отъ меня залогомъ: оной служить будетъ моимъ оправданіемъ.

Послѣ того пришелъ я къ себѣ домой, и какъ у меня всегда много бывало соколовъ, которыхъ я обучалъ: то взялъ изъ нихъ одного, которой весьма походилъ на Царскаго, отвернулъ ему голову, и принесъ къ женѣ своей: прекрасная Бюземкира, говорилъ я ей, вотъ знаки моей къ тебѣ горячности, ты часто жаловалась на Царя, и для того хотѣлъ я истребить корень твоей прискорбности: сей только одинъ соколъ причиною тому былъ, что Царь чрезвычайно онымъ забавляясь, лишалъ тебя твоего удовольствія: я его умертвилъ; да только берегись открыть

сію тайну: она стоитъ моей жизни; ежели Царь провѣдаетъ о моей къ нему неблагодарности, то конечно ни мало не пріемля въ разсужденіе, для чего я оное здѣлалъ, велитъ меня предать смерти.

Бюземкира сперва было ужаснулась о такомъ моемъ предпріятіи, но потомъ пожавъ мнѣ руку говорила: милостивой государь, свѣтъ моей жизни, естьли только вы, да я про сію тайну знаемъ, то будь увѣренъ, что вамъ опасаться нечего, и что наимучительнѣйшая смерть не можетъ меня принудить обьявить вашу винность. Очень изрядно, отвѣчалъ я, спрячь же сокола подалѣ, а я пойду къ Царю.

Оставивъ Бюземкиру, пошелъ я къ Царю, которому о пропажѣ сокола сказано уже было: онъ изъявлялъ

являлЪ мнѣ крайнюю свою о томЪ печаль. Милостивой Государь, говорилЪ я ему, я одинЪ только лишь нахожу способЪ, чтобЪ сыскать Вашего сокола, прикажите публиковать вЪ Аделѣ, сколь потеря онаго ВамЪ чувствительна; и обѣщайте за находку онаго награжденіе достойное щедрости такого Монарха, какЪ Ваше Величество.

Царь на оное согласился, велѣлЪ кричать по всѣмЪ перекресткамЪ, что ежели кто принесетЪ извѣстіе о его соколѣ мертвомЪ или живомЪ: то, когда оной будетЪ мущина, сверьхЪ половины имѣнія того, кто укралЪ сокола, здѣлаетЪ онЪ его знатнѣйшимЪ человѣкомЪ вЪ государствѣ; а ежели женщина, то отдастЪ ея вЪ жены Визирю Жіамію, которой почитался первымЪ

въ Аделѣ красавцомъ, и которой въ такой же милости у Царя былъ, какъ и я.

Сія публикація тотчасъ разсѣялась по всему городу, но я почиталъ ея безполезною, надѣясь на чрезвычайную Бюземкирину любовь, которая чрезъ пятнатцать лѣтъ ни на одинъ часъ не уменьшалась: однако до захожденія еще солнца крайнѣ я изумился, какъ по царскому указу пришли меня взять подъ караулъ, и посадили въ тюрьму, гдѣ я и ночь препроводилъ.

Лишь чуть только разсвѣло, то повели меня предъ Царя, котораго ярость изображена была на лицѣ. Невѣрной Визирь, говорилъ онъ мнѣ, такъ ли ты скоро могъ забыть всѣ мои къ тебѣ милости? Какъ! безъ всякой благодарности за

за высокое достоинство, вѣ которое я тебя возвелѣ, отваживаешся ты нанести мнѣ наичувствительнѣйшей ударѣ? Милостивой Государь, отвѣчалѣ я, какѣ на высокую степень чести возвели Вы меня изѣ ничего, такѣ и опять сѣ оной свергнуть можете однимѣ духомѣ: но позвольте мнѣ представить, что я совсѣмѣ не знаю причины Вашего гнѣва, и что, можетѣ быть, доносщики мои гораздо сами моего виноватѣе. Плутѣ, неблагодарной, сказалѣ мнѣ Царь, не ты ли моего сокола умертвилѣ? Я: Милостивой Государь, отвѣчалѣ ему сѣ притворнымѣ удивленіемѣ, могу ли я лишить своего Государя его веселостей, да и вѣ самой еще той вещи, чрезѣ которую я имѣлѣ щастіе ему понравиться. Нѣтѣ, нѣтѣ, милостивой Государь, ежели это причина Вашего гнѣва, то

 и

я увѣренъ, что оной скоро на другаго обратится. Ахъ, какой бездѣльникъ! вскричалъ Царь, вынувъ изъ-подъ полы мертваго сокола, ты еще въ своей винѣ и не признае́шся, смотри и узнай твое злодѣйство. Увидя оное, я оцѣпенѣлъ. Милостивой Государь, говорилъ я тогда, виды часто бываютъ обманчивы, но хотя въ смерти вашего сокола оправданія я и не приношу, однако прошу здѣлать мнѣ послѣднюю милость, объявить имя моего доносщика. Изрядно, я тебѣ и сіе удовольствіе здѣлаю, отвѣчалъ Царь, знай, что сама Бюземкира, жена твоя, на тебя доноситъ, такъ можешь ли ты запереться противъ такого свидѣтеля? Сіи рѣчи сильнѣе меня поразили, нежелибъ громовая стрѣла, и въ тотъ часъ вообразились мнѣ послѣднія слова̀ отца моего. Справедливое

ведливое небо! вскричалъ я, Бюземкира меня обвиняетъ, Бюземкира мнѣ измѣнила, можетъ ли что нибудь злѣе и горестнѣе сего быть! Ахъ! Милостивой Государь, продолжалъ я мою рѣчь, я имѣю, чѣмъ всю вину на нея сложить; но хотя я противъ Вашего Величества и не виноватъ, однако оправдаться не хочу; я почитаю Вашу кровь и заслуживаю смертъ, ежели Вы не вспамятуете Вашихъ милостивыхъ обѣщаній. Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ Царь, чѣмъ больше я тебя любилъ, тѣмъ меньше вина твоя простительна, не ожидай никакой милости, и приготовляйся потерять голову: на послѣдокъ, государыня моя, продолжалъ Синадабъ, сколько я ни говорилъ для приведенія въ жалость сего Государя, однако онъ не пріемля ничего ушелъ прочь, оставя меня съ

караульными, чтобъ отдать въ руки палачу.

Какъ будучи я въ Аделѣ Визиремъ около пятнатцати лѣтъ, ни одному человѣку зла не здѣлалъ, то всѣ честные люди сожалѣли о мнѣ, что я за такую безделицу на смерть осужденъ. Тщетно старались просить о мнѣ Царя; онъ былъ неупросимой: караульные мои, кои видя близкую мою смерть, не могли отъ слезъ воздержаться, позволяли мнѣ, чтобъ я спасся бѣгствомъ: нѣтъ, говорилъ я имъ, благодарствую за вашу дружбу, которая безъ сомнѣнія подвергнула бы васъ царскому гнѣву: а я невиноватъ, и когда придетъ время, имѣю чѣмъ оправдаться.

Царское приказанiе о лишенiи меня живота, было тщетное, ибо

и палачь для того выѣхалъ изъ Аделя вонъ, и всѣ тѣ, которымъ оное Царь препоручалъ, въ томъ отказались, такъ что принужденъ онъ былъ велѣть публиковать во всемъ городѣ, что кто сыщется охотникъ отсѣчь мнѣ голову, тому въ награжденіе отдаяо будетъ другая половина моего имѣнія.

Сколь сіи обѣщанія выгодными были, однако никто еще охотниковъ не выискался, какъ Руми, пріемышъ мой, пошелъ о томъ посовѣтовать съ Бюземкирою: милостивая государыня, говорилъ онъ ей, что намъ до того нужды, виноватъ ли Синадабъ, или нѣтъ, довольно, что онъ осужденъ на смерть; и мнѣ жалко видѣть его въ горестной жизни, которой никто его лишить не хочетъ, безчисленнаго его имѣнія одна поло-

вина надлежитъ вамъ, какъ доносщицѣ, и только я одинъ останусь безъ всего, по тому что Царь обѣщаетъ другую половину тому, кто лишитъ Синадаба живота. Я хочу исполнить сіе дѣло, и надѣюсь, что Царь да и Синадабъ самъ мною будутъ довольны, что я прекращу его жизнь, которая безъ сомнѣнія ему несносна, а чрезъ то получу я себѣ имѣніе, котораго въ чужія рýки упускать весьма непристойно.

Бюземкира, которая повидимому страстно влюблена была въ Визиря Жіамія, по моимъ же, можетъ быть, о его красотѣ, словамъ, не могла удовольствовать своего желанія, вышедши за него пока я буду живъ; почему она столь безстыднымъ образомъ на меня и донесла: богомерзское Руміево намѣреніе

мѣреніе похвалила, отвела его къ Царю, и такъ прикрасила сіе дѣло, что Царь жаждущій моей крови, привелъ его самъ ко мнѣ въ тюрьму, и съ великимъ удовольствіемъ объявилъ мнѣ палача.

Увидя Руми я весь оцѣпенѣлъ: Хотя я со слезами выговаривалъ ему его неблагодарность, однако онъ столь жестокосерденъ былъ, что не взирая на оное, связалъ мнѣ руки, и представлялъ еще мнѣ, что я долженъ его благодарить; что онъ взялъ на себя лишить меня живота.

Царь при семъ печальномъ позорищѣ былъ самъ ни мало не чувствуя жалости, слёзы мои не могли его тронуть, и я видя его къ милости несклоннымъ, съ горестію вскричалъ: о Сазанъ! Сазанъ! для

 чего

чего я тебѣ не вѣрилъ? Сіи слова по его разсужденію ничего незначащія, думалъ онъ, что я убоясь смерти, произносилъ ихъ повредившись въ умѣ. Что ты разумѣешь чрезъ эти слова: о Сазанъ! Сазанъ! говорилъ онъ мнѣ, растолкуй мнѣ сію тайну: милостивой Государь, отвѣчалъ я, они напоминаютъ мнѣ преслушаніе къ моему отцу, которой назывался Сазаномъ, въ трехъ завѣщаніяхъ, которыя онъ мнѣ далъ при своей смерти, и теперь за оное долженъ я пострадать безъ роптанія. Я вступилъ въ службу Вашего Величества, не зная Вашихъ свойствъ, открылъ мою тайну своей женѣ, и воспиталъ змѣю, которая предаетъ меня смерти.

Не взирая на Ваши обѣщанія осуждаете Вы меня на смерть за

одного сокола, въ которомъ дѣлѣ я совсѣмъ невиненъ; Бюземкира, позабывъ мою къ ней пятнатцатилѣтнюю горячность, измѣнила меня неслыханнымъ вѣроломствомъ, а Руми, сей ребенокъ, котораго я содержалъ такъ какъ роднаго своего сына, прельщенъ будучи подлою корыстью, самопроизвольно здѣлался моимъ палачемъ. О Сазанъ! Сазанъ! для чего тебѣ я не вѣрилъ.

Царь и всѣ зрители, слыша сіи слова, были неподвижны; а я оборотясь къ Румію вскричалъ: руби недостойной, руби, не томи долѣе нещастнаго, но невиннаго Синадаба, ибо каждая минута моей жизни должна тебя стыдомъ покрывать.

Руми безъ всякой жалости вынулъ свою саблю, и приготовлялся отрубить мнѣ голову.

ШЕСТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Руми, какъ неродной сынъ, хотѣлъ было дать мнѣ смертной ударъ, продолжалъ Синадабъ, какъ пріятель, которому отдалъ я отъ моего сада ключь, вошелъ въ тюрьму съ царскимъ на рукѣ соколомъ. Милостивой Государь, сказалъ онъ удержавъ Руміеву руку, которая не больше ужѐ на два пальца отъ моей шеи была, смотрите ложной на Синадаба доносъ, и узнайте Вашего сокола живаго по знаку, которой Вы сами положили ему на лапѣ.

Царь Адельской, увидя его, чрезвычайно изумился, и на лицѣ его видно было превеликое смущеніе. Онъ потупилъ глаза̀, и былъ въ глубокомъ размышленіи о всемъ произшествіи. Что до меня касалось, продолжалъ Синадабъ, то

скоaь

сколь пріятель мой кстати ни пришелъ, однако почти я о томъ тужилъ: жизнь моя отъ невѣрности Бюземкириной и отъ неблагодарности Руміевой здѣлалась мнѣ постылою: однако бросился я къ царскимъ ногамъ, говоря ему: милостивой Государь, вотъ тотъ бѣдной любимецъ, котораго Вы обнадеживали вѣчною милостію, и которой потерялъ было жизнь свою безвинно. Сей Государь сжалившись меня поднялъ, и приказалъ объявить всю сію тайну. Я оную ему расказалъ въ короткихъ словахъ. Онъ разсмотрѣлъ всѣ обстоятельства моей исторіи, и признавъ свою погрѣшность и вѣроломство Бюземкирино, тотчасъ послалъ ея взять подъ караулъ, и привести передъ себя, и связавши ея вмѣстѣ спинами съ Руміемъ, приказывалъ мнѣ отрубить имъ го́ловы тою же

саблею,

саблею, которая для меня приготовлена была. Я отрекся обагрить мою руку въ толь любезной для меня крови, да и притомъ просилъ еще за сихъ двухъ нещастныхъ, однако безполезно, и одинъ изъ караульныхъ по царскому приказу отрубилъ имъ обѣимъ головы.

Царь доволенъ будучи симъ наказаніемъ, котораго не могъ я видѣть безъ пролитія слезъ, меня обнялъ и взялъ съ собою во дворецъ. Милостивой Государь, повторялъ я ему еще, не справедливо ли я Вамъ напредъ сего представлялъ, что надѣющіеся на милость великихъ людей на пескѣ строютъ; ибо смерть одного животнаго во мгновеніе ока привела у Васъ въ забвеніе пятнатцатилѣтнюю милость. Оставимъ это Визирь, говорилъ

ворилЪ мнѢ Царь, я самЪ стыжусь своей погрѢшности; однако я хочу оную загладить, и возвести тебя на такой высокой степень чести, чтобЪ не можно было тебѢ паденія больше опасаться. НѢтЪ, милостивой Государь, отвѢчалЪ я съ почтеніемЪ, отпустите меня опять вЪ СюесЪ наслаждаться вольностію и спокойною жизнію; сей только одной милости проситЪ у ВасЪ СинадабЪ. Царь всѢми силами противился моему намѢренію; но я стоялЪ вЪ ономЪ непоколебимо; ничто не могло меня при немЪ удержать, и чрезЪ восемь дней поѢхалЪ я на данномЪ мнѢ отЪ Царя суднѢ, которое нагрузилЪ всѢмЪ моимЪ богатствомЪ, домовыми уборами и множествомЪ драгоцѢнныхЪ каменьевЪ, которыми онЪ меня подарилЪ предЪ моимЪ отЪѢздомЪ. Сіе разлученіе не безЪ печали происходи-

ло;

ло; но со всѣмъ тѣмъ воспріялъ я путь къ Египту, и почти ужѐ стали было мы въѣжжать въ пристань, какъ поднялась преужасная буря, и носивъ насъ по́ морю трои сутки за нѣсколько миль отъ Сюеса судно мое разбило. Всѣ работные люди притомъ погибли, выключая меня одного, ибо я ухватился за доску, и меня выбросило на берегъ, однако я всего моего богатства лишился, и увидѣлъ себя вдругъ изъ превеликаго богача въ крайней бѣдности.

Не зная гдѣ приклонить голову, вспомнилъ духовную отца моего, что я по оной еще господинъ маленькаго загороднаго садика и бесѣдки: я любопытенъ былъ видѣть, не завладѣлъ ли кто онымъ безъ меня, ибо болѣе ужѐ шестьнатцати лѣтъ прошло, какъ я

изъ

изъ города выѣхалъ; однако нашелъ я оной все въ прежнемъ состояніи, кромѣ того что нѣсколько обвалился. Я отворилъ двери посредствомъ нѣкоторыхъ потаенныхъ словъ, которымъ выучилъ меня мой отецъ, и которыхъ кромѣ его и меня ни одинъ человѣкъ не зналъ. Садъ мой заросъ весь травою, и кабинетъ былъ въ превеликомъ безпорядкѣ, и какъ ужѐ было очень поздно, а притомъ я крайнѣ и усталъ, то легъ на старую гнилую рогожу, и спалъ до тѣхъ поръ, пока разбудилъ меня голодъ. Для пропитанія своего никакого мастерства я не зналъ, и вздумалъ не давая никому о себѣ знать, кормиться милостынею, ходя по дворамъ; въ семъ намѣреніи вышелъ я изъ саду, и долго шатался по городу, однако безполезно просилъ пóмощи у Сюесскихъ жителей, никто

кто не пособилъ мнѣ въ тогдашней крайней нуждѣ, такъ что я возвратился ввечеру въ маленькой мой домикъ съ превеликимъ голодомъ, а притомъ отъ многой ходьбы и ногъ подъ собою не слыхалъ. Я сѣлъ на негодную скамейчонку, которая стояла въ углу зала, и проходилъ въ умѣ все то, что отецъ мой при смерти мнѣ ни приказывалъ, и которое я столь мало наблюдалъ, какъ нечаянно увидѣлъ въ углу маленькой ларчикъ, которой весь ужè заплесневѣлъ; онъ запертъ былъ ключомъ, я замо́къ тотчасъ разломалъ, думая найти въ ономъ нѣсколько денегъ, которыя, можетъ быть, отецъ мой тутъ заперъ. Но я чрезвычайно удивился, увидя только въ ономъ веревочку толщиною въ палецъ, и цыдулку, писанную рукою моего отца, въ которой слѣдующее содержалось:

„Сина-

„Синадабъ, ты мнѣ своего „слова не здержалъ, хотя клялся „въ томъ и Алкораномъ. Худое „твое домосмотренiе и непослу„шанiе привели тебя до теперешняго состоянiя. Но ежели ты „имѣешь столько отважности, „чтобъ послѣдовать послѣднему „сему совѣту, то найдешь конецъ „твоихъ злополучiй въ семъ лар„чикѣ„.

Конечно, вскричалъ я съ восхищенiемъ, конечно, родитель мой, сей разъ тебя я послушаю, да и дѣлать мнѣ ничего другаго не осталось, какъ прекратить нещастные мои дни сею веревкою. Потомъ принявъ отчаянное намѣренiе, всталъ я на скамейку, и здѣлалъ на веревкѣ глухую петлю, привязалъ ея къ кольцу, которое казалось мнѣ нарочно для сего упо-

требленія и ввернуто было на потолокѣ, надѣлъ петлю на шею, и оттолкнувъ ногою скамейку, безпечально отдался жестокости моего жребія.

Седьмая четверть часа.

Я думалъ было, государыня моя, получить себѣ чрезъ оное извѣстную смерть, но вмѣсто того оное кольцо и съ тоненькою доскою, въ которую оно было ввернуто, отъ тягости моего тѣла выпало, и изъ сей скважины, которая здѣлалась отъ того на потолокѣ, такое множество посыпалось червонныхъ, что и меня совсѣмъ покрыло. Отъ такой щастливой находки я почти паденія своего и не чувствовалъ, но тотчасъ вскоча взошелъ на потолокъ, и несказанно

но удивился, увидя тамъ безчисленное богатство, какъ въ золотѣ такъ и дорогихъ каменьяхъ. Я увидя конецъ всѣмъ моимъ нещастіямъ, едва было отъ радости не умеръ. Я взялъ одинъ червонной, и заперевъ хорошенько садовыя двери, пошелъ купить чего нибудь получше для утоленія своего голоду: на другой же день роздалъ я бѣднымъ Дервишамъ тысячу червонныхъ, и приведя себя въ состояніе показаться съ благопристойностію въ городѣ. Я выкупилъ назадъ все почти наслѣдство послѣ моего отца; а чтобъ имѣть непрестанно въ памяти нещастія, въ которыя ввергнуло меня мое непослушаніе, то я приказываю всегда за столомъ повторять себѣ слышанныя вами слова о преданности и почтеніи дѣтей, которое должны они имѣть къ своимъ родителямъ,

Тому

Тому уже около пяти лѣтъ, государыня моя, продолжалъ Синадабъ, какъ я возвратился въ Сюесъ: съ того времени я всячески стараюсь исполнять званіе честнаго человѣка. Нещастія мои выучили меня жить поосмотрительнѣе, и я нынѣ пріятно препровождаю жизнь мою съ прекрасною Рукіею, которую вы видѣли при окончаніи стола нашего: она одна изъ моихъ женъ, которую я больше всѣхъ люблю. Родомъ она изъ Сурата, и какъ у ней есть тамъ двѣ сестры, которыхъ она горячо любитъ, и которыя живутъ не весьма достаточно, то я по ея прозьбѣ хочу ихъ взять съ собою въ Суесъ и выдать за мужъ.

Когда Синадабъ, милостивой Государь, продолжалъ Бенъ-Эридунъ, окончалъ свою повѣсть, то

Принцъ

Принцъ Шерефъ-Эльдинъ оказывалъ ему свою радость, видя его по претерпѣнныхъ толикихъ злополучіяхъ на послѣдокъ щастливымъ; и какъ вѣтеръ былъ благополученъ, то они скоро прибыли въ Суратъ. Принцъ не покидая женскаго платья простился съ Синадабомъ и прекрасною Рукіею, чрезвычайно ихъ благодаря за всѣ ихъ учтивости, и нѣсколько времени отдохнувъ, предпріялъ свой путь къ Китаю.

Сія исторія весьма меня увеселила, перервавъ Астраханской Царь, говорилъ Бенъ-Эридуну: я много тобою доволенъ, и приказываю Мютамгиду давать тебѣ по сту червонныхъ на́ день чрезъ все то время, какъ будешь ты меня такимъ образомъ забавлять; но со всѣмъ тѣмъ не меньше любопытенъ я знать о жребіи Гюльгинди и

Щерефъ-Эльдина, какъ на прошедшихъ дняхъ и о продолженіи Синадабова похожденія: а какъ еще теперь намъ время осталось, то продолжай твою повѣсть. Бенъ-Эридунъ радуясь, что имѣлъ щастіе понравиться своему Царю, продолжалъ слѣдующимъ образомъ:

ПРОДОЛЖЕНІЕ ПОВѢСТИ

о Щерефъ-Эльдинѣ и Гюльтинди.

По прошествіи, милостивой Государь, нѣсколькихъ дней, Щерефъ-Эльдинъ будучи въ женскомъ платьѣ, пріѣхалъ на преизрядной лугъ, которой по справедливости назваться могъ прекраснѣйшимъ изъ всей щастливой Аравіи. Земля на ономъ покрыта была мяхкою травою, которая казалось никогда не

не засыхала, а лугъ украшенъ былъ розами, ясминами и фіолками, которыя ни отъ лѣтняго зноя, ни зимнихъ морозовъ никогда не увядали; и сіи цвѣты прельщая зрѣніе различнымъ своимъ видомъ, наполняли и воздухъ весь пріятнымъ своимъ запахомъ.

По конецъ сего луга стояла не большая каменная гора, высѣченная на подобіе пещеры, изъ средины которой билъ ключь въ большую изъ дикаго мармора бассейнъ. Вода сего источника столь была чиста и свѣтла, что пріятнымъ своимъ журчаньемъ всѣхъ мимоходящихъ привлекала на берегу отдыхать, которой усланъ былъ дерномъ, а посреди стояло превеликое дерево, которое густыми своими вѣтьвями дѣлало не проницательную тѣнь и во время сильнѣйшаго солнечнаго зноя.

Въ семъ-то мѣстѣ Принцъ вздумалъ насладиться нѣсколько покоемъ, которой надѣялся онъ получить отъ уединенія и прохладнаго мѣста. Онъ привязалъ лошадь свою къ кусту, а самъ легъ на землю: но едва было закрылись его глаза̀ пріятнымъ сномъ, какъ преужасной великанъ, имѣющій у себя во лбу только одинъ глазъ, которой имѣлъ свое жилище не подалеку отъ прекраснаго сего мѣста, по обыкновенію своему пришелъ туда нѣсколько отдохнуть. Онъ обманулся по Принцову платью, почитая его за дѣвицу, и столь сильно влюбился, что хотѣлъ было его унести. Онъ снялъ съ него саблю отбросилъ въ сторону, и хотѣлъ было уже̂ исполнить сіе предпріятіе, какъ стрѣла, летящая изъ невидимой руки, ударивъ его въ глазъ, оной выколола, и такимъ обра-

образомъ лишила его способа, чтобъ удовольствовать неистовое свое предпріятіе.

Принцъ отъ ужаснаго великанова крику тотчасъ проснулся, и ища глазами своего освободителя, увидѣлъ онъ молодова человѣка столь похожево на себя, что сперва усомнился, не тѣнь ли онъ свою видитъ.

Сей не знакомой и мнимая Тюлюфанская Принцесса смотрѣли нѣсколько времени другъ на друга, не говоря ни слова: на конецъ последняя перервавъ молчаніе, говорила: я должна вамъ, государь мой, животомъ и честію; но прошу объявить мнѣ, кому имѣю я сіе одолженіе, которое никогда изъ памяти моей не выдетъ.

Сей незнакомецъ сперва было нѣсколько замялся отвѣчать Принцу, котораго и онъ также за женщину почиталъ; но побуждаемъ будучи нѣкоторымъ потаеннымъ движеніемъ, которому не въ силахъ онъ былъ противиться, отвѣчалъ ей: для всякаго другово, государыня моя, называюсь я Мабарекомъ и сыномъ богатаго Испаганскаго купца, которой ѣздитъ по разнымъ государствамъ для собственнаго удовольствія, но нѣкоторое движеніе самому мнѣ не извѣстное, принуждаетъ меня открыть вамъ самую правду, что я Принцъ Ормусской, и удалился отъ Двора Царя, моего отца, для избѣжанія брака, къ которому я имѣю чрезвычайное отвращеніе, и проѣзжая сими мѣстами увидѣлъ я, что и вы сюда же пріѣхали. Сходство нашихъ лицъ подало мнѣ любопытство

пытство о васъ провѣдать, и я хотѣлъ было къ вамъ подойти, чтобъ спросить о вашемъ имени, какъ увидя, что вы утомившись отъ ѣзды, искали успокоиться прiятнымъ сномъ, не хотѣлъ вамъ въ томъ препятствовать, и вы бы конечно онымъ еще наслаждались, естьлибъ оной не прервалъ сей уродъ, котораго лишилъ я свѣта: Но позвольте мнѣ, государыня моя, продолжалъ онъ, вамъ выговорить, что хотя и должность нашего пола обязываетъ насъ подавать помощь женщинамъ, однако нѣчто большое побудило меня принять на себя ваше защищенiе. Простите, государыня моя, сiе дерзновенное признанiе: не преодолимое препятствiе противится благополучiю, котораго бъ надѣяться я могъ, получивъ къ себѣ любовь; и для того прошу только о вашей

дружбѣ, и прошу о томъ, государыня моя, со всевозможною горячностію: я же съ моей стороны буду любить васъ такою непорочною любовію, что добродѣтель ваша ни малой опасности подвержена не будетъ.

Мнимая Тюлюфанская Принцесса столь изумилась, услыша и увидя сына Царя Ормусскаго, что пришла въ превеликую краску; и въ то время представилось ей тысячи печальныхъ воображеній о томъ, что говаривала ей Риза про сего Принца, и что сколь не возможное дѣло, чтобъ исполнилось намѣреніе царя духовъ: но сіи разсужденія исчезли сами собою при зрѣніи толь прекраснаго Принца, къ которому она сверьхъ своей воли чувствовала ужѐ совершенное почтеніе; и едва было она о своемъ

полѣ

полѣ не открыла, какъ вообразивъ себѣ нещастія предсказанныя ей отъ Меру, принуждена была объ ономъ умолчать, и имѣть къ ложному Персидскому Принцу такую же повѣренность, какую онъ къ ней имѣлъ. Государь мой, говорила она ему, поступки ваши столь учтивы, и я вами столь обязана, что весьмабъ была не благодарною, естьли бы по чистосердечномъ вашемъ мнѣ признаніи не отдала вамъ отъ искренности моего дружества. Что касается до меня, то единственное мое упражненіе состояло въ ѣздѣ на охоту, прежде нежели нѣкоторыя причины, которыхъ не могу я вамъ открыть, не подвергнувъ себя злѣйшему нещастію, принудили меня оставить Дворъ Царя, моего родителя; но сколь бы твердо я ни намѣрена была скрывать свое имя отъ цѣлаго свѣта, называясь дочерью

 Самар-

Самаркандскаго Эмира, однако отЪ васЪ, государь мой, не хочу таить, что я дочь Царя Тюлюфанскаго и зовутЪ меня Гюльгинди. Справедливое небо! вскричалЪ ложной ПринцЪ, перервавЪ ея рѣчь, это вы любезная Гюльгинди! Это вы! о красотѣ которой вся восточная страна наполнена славою! Для васЪ то, государыня моя, оставилЪ я ДворЪ моего родителя, для васЪ то странствую я по всему свѣту, и на конецЪ самую васЪ нахожу вЪ сихЪ мѣстахЪ: АхЪ! прекрасная Принцесса, продолжалЪ онЪ залившись слезами и будучи вЪ превеликомЪ отчаянiи, для чего не рождены мы одинЪ для другаго? О! самодержавные правители всѣхЪ тварей: вы знаете внутренность моего се́рдца, чѣмЪ же я заслужилЪ такого жестокаго мученiя? А ты злая любовь! на что воспламенила

во

во мнѣ столь скорую и чувствительную искру, зная, что нѣтъ возможности утушить оную? Прекрасная Принцесса, я васъ люблю смертельно, но со всѣмъ тѣмъ принужденъ буду васъ убѣгать. Отецъ мой отправилъ къ Царю Мохзадину Пословъ требовать васъ мнѣ въ супругу. Древняя дружба, пребывающая между обоими сими Монархами, подаютъ причину мнѣ думать, что Царь Тюлюфанской Ормусскому въ семъ дѣлѣ не откажетъ; но любезная Гюльгинди, я вамъ еще повторяю, чтобы то ни было, и хотябъ вступились въ сіе дѣло всѣ смертные, да и самъ бы нашъ великой пророкъ, однако я съ вами соединенъ быть не могу, когдабъ не пощадилъ и крови своей, чтобъ въ состояніи быть имѣть сіе щастіе.

ОСЬМАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Принцъ, отвѣчала тогда мнимая Гюльгинди, которую сей разговоръ привелъ въ чрезвычайное изумленіе, я не понимаю, какія причины побуждаютъ васъ говорить мнѣ такимъ образомъ, но то самое, что другую могло бы привести въ озлобленіе, заставляетъ меня большее имѣть къ вамъ почтеніе: знайте, что и я не меньше васъ имѣю причины убѣгать отъ предуготовленнаго мнѣ брака, и то, что я услышала теперь, навсегда меня отдалитъ отъ Двора моего родителя: будемъ же прекрасная принцесса, вскричалъ тогда мнимой Принцъ, странствовать вмѣстѣ, и подложными именами скроемъ отъ всей земли Принца и Принцессу, которыхъ лишеніе, какъ я увѣренъ, много слезъ стоитъ Царямъ Тюлюфанскому и

Ормусскому: но когда ужѐ, государыня моя, продолжалъ онъ, жестокая судьбина не позволяетъ мнѣ быть вашимъ, то я клянусь великимъ нашимъ пророкомъ, что и вѣчно ни чей не буду: я васъ любить буду любовїю не порочною и безнадежною, и всѣхъ моихъ желанїй предметомъ будетъ одна только прекрасная Гюльгинди. Сколь бы я щастливъ былъ, продолжалъ онъ еще свою рѣчь, естьлибъ ваши мысли столь сходны были съ моими, то есть, чтобъ одна только смерть въ состоянїи была разрѣшить столь совершенной нашъ союзъ. Но я ужѐ заговорился; простите мнѣ, сударыня, въ моемъ чистосердечномъ восхищнеїи, когда не могу я вами владѣть, такъ должно ли другово Принца щастливѣйшее меня лишать того, что въ натурѣ есть наилучшее. Такъ

 госу-

государь мой, отвѣчала ложная Гюльгинди закраснѣвшись, я позволяю вамъ вѣрить, что предложеніе ваше мнѣ пріятно. Когда звѣзды противятся нашему соединенію, то я ни кому другому, кромѣ Принца Ормусскаго, сéрдца своего не отдамъ; пусть соединитъ насъ не разрывная дружба, когда жестокая любовь предпріяла насъ разлучить.

На конецъ, милостивой Государь, продолжалъ Бенъ-Эридуинъ, сіи два любовника безщастные по незнанію одинъ другаго пóла, а щастливые по своей симпатіи и взаимной горячности, которую вліялъ имъ Жеонга, по такомъ разговорѣ клялись дружбою не разрывною во всемъ, что случиться можетъ, и сѣвши опять на своихъ лошадей, удалились вмѣстѣ отъ сего прекраснаго луга.

Ѣхав-

Ѣхавши нѣсколько дней безъ всякаго имъ особливаго приключенія, увидѣли они при вѣѣздѣ въ пальмовой лѣсъ палаты древняго строенія, но которыя однако въ своей простотѣ казались быть великолѣпными. У воротъ оныхъ палатъ стоялъ почтенной старой мужъ, которой подошедъ къ нимъ говорилъ имъ съ чрезвычайною пріятностію: дѣти мои, ночь ужѐ наступаетъ, а отсюда ближе шести миль нѣтъ ни какого города, ни деревни, нижѐ иново каково жилища, гдѣ бы вы переночевать могли, естьли хотите вы войти въ сіи палаты, то можете въ оныхъ спокойно отдохнуть, а завтра опять въ путь свой отправитесь.

Принцъ и Принцесса довольны будучи учтивствомъ сего хозяина, предложеніе его приняли. Они вошли

шли въ палаты, въ которыхъ увидѣли женщину лѣтъ въ шестьдесятъ и равномѣрной простоты съ мужемъ своимъ: она принуждала себя принять ихъ, какъ можно, получше, и нѣсколько потомъ спустя накрыли столъ весьма изрядной, но хотя мяса и довольно было, однако безъ всякаго излишества. По окончаніи стола старикъ находившихся для услуженія рабовъ выслалъ, и просилъ своихъ гостей объявить ему причину ихъ ѣзды, и по какому случаю отшиблись они столь далеко отъ большой дороги. На что Щерефъ-Эльдинъ отвѣчалъ старику! ахъ! государь мой, легко можно васъ удовольствовать короткими словами. Мы братъ и сестра, и бѣжимъ изъ Самарканды отъ гоненія Визиря, которой не довольствуясь тѣмъ, что безчеловѣчно лишилъ жизни нашего отца,

за-

завладѣвъ всѣмъ его имѣніемъ, хотѣлъ и насъ еще предать смерти.

Злыхъ надобно опасаться, говорилъ старикъ, но рано или поздо на послѣдокъ погибнутъ они сами бѣдственно. Я печальной сей опытъ видѣлъ въ моей фамиліи, и нѣсколько лѣтъ еще тому, какъ я возвратилъ свое спокойствіе, котораго лишили было меня двое изъ моихъ сыновей своими злодѣйствами. Гюльгинди сжалившись увидя текущія у старика изъ глазъ слёзы по такомъ печальномъ напамятованіи, говорила ему расказываніемъ о своихъ печаляхъ, иногда оныя уменьшаются, и естьли не трудно вамъ будетъ, то покорно васъ, государь мой, просимъ объ ономъ намъ расказать. Съ охотою, любезныя мои дѣти, отвѣчалъ имъ старикъ, и когда вы видѣли у меня

ни слёзы, то оныя текли не отъ печали, а лучше сказать, отъ радости, которую чувствую я нынѣ видя конецъ всѣмъ моимъ нещастіямъ. Слушайте же меня только со вниманіемъ.

ПОВѢСТЬ

О Царѣ Карскомъ, Бадурѣ кроткомъ.

Я родился Самодержавцомъ Каорскимъ довольно обширнаго государства, котораго и для славолюбія распространять не хотѣлъ, желая лучше съ моими сосѣдами жить въ мирѣ, нежели отваживать раззореніе своихъ земель не справедливыми войнами; по чему и прозвали меня Бадуръ кроткой. Въ молодыхъ моихъ лѣтахъ женился я на Принцессѣ Зарадѣ, которую вы

вы видите: отъ нея имѣлъ я многихъ дѣтей, между прочими одного сына и дочь, которые родились въ одинъ день. Сыну моему далъ я имя Абузаидъ, а дочери Дижара. Я вамъ сказываю объ нихъ напередъ, хотя они и не старшіе, а самые послѣдніе, для того что они щастливо прекратили всю горесть, которую братья ихъ навели на мою жизнь: изъ другихъ двухъ моихъ сыновей одинъ былъ Салетгъ, прозываемой жестокой, по тому что онъ всякой день что нибудь злое дѣлалъ, и я не знаю въ ково онъ такой уродился, по видимому боги намъ его послали для искушенія нашей добродѣтели, а другой назывался Аземъ, которой нравами также не много разиствовалъ отъ Салетка, и склонность, которую оба они имѣли къ злу, такъ ихъ между собою соединила,

нила, что они всегда были вмѣстѣ. Я всякой день слышалъ на нихъ жалобы, и когдабъ они не дѣти мои были, тобы я тысячу разъ показалъ надъ ними примѣръ моимъ подданнымъ, которымъ по своимъ злодѣйствамъ здѣлались они ненавистными; но должность отца удерживала мою руку: на конецъ безпрестанные мои выговоры столько имъ наскучили, что вознамѣрились они оба отъ моего двора удалиться; и я тысячу разъ прославлялъ тотъ часъ, въ которой исполнили они сїе намѣренїе.

Тому ужѐ больше четырехъ мѣсяцовъ прошло, какъ они поѣхали, и я избавившись ихъ на́чалъ было себя почитать благополучнымъ, какъ пораженъ былъ отъ нихъ наижесточайшимъ и чувствительнѣйшимъ для отца ударомъ.

Нак-

Нанганская (*) Принцесса Гюхюллеру сочеталась бракомъ съ Царемъ Рюзангъ-Гегюномъ, и хотя сей Государь не молодъ уже былъ, однако пріятнымъ и веселымъ своимъ нравомъ награждалъ то, чего лишили его лѣта, и жилъ съ своею супругою въ такомъ совершенномъ согласіи, что оное служило примѣромъ всѣмъ его подданнымъ.

Салеткъ проѣжжая области сего Монарха, принятъ отъ него былъ и братомъ своимъ съ великимъ почтеніемъ, и они жили въ его дворцѣ нѣсколько дней: но неразуміе Рюзангъ Гегюново, что онъ весьма часто имъ показывалъ прекрасную Гюхюллеру, стоило ему его жизни. Салеткъ въ нея влюбился

(*) Нанганъ есть городъ, лежащей на рѣкѣ Гангѣ къ Квангинской провинціи въ Катаѣ.

ся смертельно; и хотя онъ зналъ, что сія добродѣтельная жена никогда не согласится удовольствовать глупую его страсть; однако не привыкнувъ преодолѣвать своихъ страстей, вздумалъ оныя удовольствовать, во что бы ему то ни стало. И для полученія того предпріялъ онъ наибезсовѣстнѣйшее намѣреніе, которое только вздумать можно, и для вспомоществованія ему въ томъ пригласилъ брата своего Азема.

Нѣкогда ввечеру гуляя они съ Царемъ Нанганскимъ и его супругою въ лѣсу позади дворцоваго саду, бросились они вдругъ на сего Государя, которой имѣлъ только при себѣ меленькую саблю, и не успѣлъ отъ нихъ обороняться, искололи его кинжалами мѣстахъ въ двадцати, и отъ презрѣнія ли,

или отъ жестокосердія оставили они проклятые инструменты своего злодѣйства въ обагренномъ кровію тѣлѣ сего безщастнаго Государя.

Гюхюллеру въ то время простирала вопль свой даже до небесъ; но сіи ва́рвары ея схвативъ и вышедъ въ поле воро́тами, у которыхъ стоящаго на караулѣ часоваго они подкупили, всячески старались посадить ея на своихъ лошадей, которыхъ сей плутъ держалъ въ готовности, какъ на Гюхюллеринъ крикъ збѣжалось туда человѣкъ дватцать солдатъ изъ царской гвардіи.

ДЕВЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Нечаянное такое вспоможеніе Салетка и Азема устрашило, они принуждены были Цареву оставить

ставить и искать своего спасенія въ бѣгствѣ, за ними гнались понапрасну; они имѣя подъ собою хороших лошадей, спаслися, и увезли съ собою евнуха, которой помогалъ имъ въ произвожденіи мерзскаго ихъ предпріятія.

Не можно изобразить, въ какой печали находилась Гюхюллеру. Вопль ея проницалъ до небесъ. Она велѣла поднять окровавленное тѣло своего мужа, и вмѣсто того чтобъ наблюдать всѣ обыкновенные въ Китаѣ при погребеніи обряды, довольствовалась она балсамировать оное своими руками, и потомъ положила его изъ золота въ здѣланной гробъ, украшенной драгоцѣннѣйшими каменьями. Съ нимъ же положила тутъ рубашку его обагренную въ крови, и тѣ кинжалы, которыми онъ былъ умерщвленъ, и

на

на конецъ торжественнѣйше клялась предъ (*) Бонзами мстить смерть своего супруга не только надъ одними убійцами, но и надъ всею ихъ фамиліею. Потомъ поѣхала она скрытно съ Принцомъ Кіагіемъ своимъ братомъ и двенатцатью невольниками, которые присягнули служить ей до пролитія своей крови въ томъ намѣреніи, чтобъ исполнить лютое свое предпріятіе.

Сыновья мои безъ всякаго угрызенія своей совѣсти того не ожидали, а помышляли только удалиться отъ такой земли, гдѣ, какъ имъ извѣстно, весьма они омерзѣли; однако злодѣйство ихъ не долго безъ наказанія осталось. Отъѣхавъ они нѣсколько миль Салеткова лошадь подъ нимъ споткнувшись пе-

(*) Бонзы называются Китайскіе попы.

реломила ему ногу; по чему братъ его Аземъ поѣхалъ въ ближайшей городъ для сысканія ему немедленно лекаря, а сей безщастной отнесенъ былъ въ стоящей не подалеку отъ того мѣста нѣкоторой домъ.

Гюхюллеру, безъ утраты времени слѣдуя за своими убійцами въ погоню, нечаянно остановилась въ семъ же домѣ, совсѣмъ того не вѣдая, что Салеткъ столь близко отъ нея находился; но какъ по окончаніи своего кушанья велѣла она принести передъ себя золотой гробъ, для возобновленія по обыкновенію своему жестокой своей клятвы, то несказанно удивилась увидя, что изъ тѣла ея супруга показалось нѣсколько каплей крови. Справедливое небо! вскричала она, убійцы мои должны быть въ семъ мѣстѣ, потомъ вставъ

изъ-

изъ за-стола какъ лишившаяся ума, взяла въ обѣ рýки по кинжалу, которыми умерщвленъ былъ Рюзангъ-Гегюнъ, и обѣгавъ съ своимъ братомъ и двенатцатью невольниками часть сего дома, пришла на послѣдокъ въ тотъ покой, гдѣ лежалъ Салеткъ. Увидя его, отъ ярости она внѣ себя стала. Невѣрной! сказала она ему тогда, ужè время, чтобъ тебя наказать за богомерзское твое злодѣйство надъ моимъ мужемъ, такому злодѣю, какъ ты, мало и наимучительнѣйшей кáзни, но мое отмщенiе былобъ не совершенное, естьлибъ я оное хотя на минуту отложила, илибъ поручила оное кому нибудь другому; потóмъ не давъ ему времени отвѣтствовать на такой справедливой выговоръ, пронзила кинжаломъ въ его сердце нѣсколько разъ, и велѣвъ отрубить ему

голову и выкинуть его тѣло на съѣденіе хищнымъ птицамъ, изъ сего дому вышла, оставивъ хозяина въ привеликомъ ужасѣ о ея лютости. Провѣдавъ же отъ него, что другой мой сынъ поѣхалъ въ ближайшей городъ, и что по долгомъ его тамъ замедлѣніи не терпѣливной Салеткъ послалъ за нимъ находившагося при себѣ невольника, поѣхала она тою же дорогою, по которой имъ надлежало ѣхать, и остановивъ ихъ въ не большомъ лѣсу, чрезъ которой они проѣжжали, такимъ же образомъ поступила и съ безщастнымъ Аземомъ какъ съ его братомъ, и предала лютѣйшей смерти того евнуха, которой ими подкупленъ былъ.

Услыша такую печальную вѣдомость я изумился, а при томъ пришелъ въ ужасъ, сколько я къ

дѣтямъ

дѣтямъ моимъ горячности ни имѣлъ, однако не могъ похулить Гюхюллерина мщенія: но на послѣдокъ я было съ печали едва не умеръ, увидя окровавленныя ихъ головы, которыя она прислала ко мнѣ въ ящичкѣ съ приложеннымъ при томъ угрозительнымъ письмомъ, что она такимъ же образомъ истребитъ и меня со всею моею фамиліею.

Абузаидъ, сынъ мой, которой одинъ только у меня остался, столько же восчувствовавъ печали о смерти своихъ братьевъ, сколько и я, говорилъ мнѣ: милостивой Государь, мы должны противиться раздраженной женщинѣ, и которая не будетъ наступать на насъ силою; позвольте мнѣ, чтобъ я принялъ на себя стараніе о сохраненіи вашей жизни, и избавилъ бы васъ отъ угрожаемой напасти.

Печаль моя, продолжалъ Бадуръ, столь была чрезвычайна, что я лишился всѣхъ чувствъ; дѣлай что изволишь, сказалъ я ему, любезной мой Абузаидъ, а я запрусь въ моихъ покояхъ, и буду вѣчно оплакивать злыя дѣла твоихъ братьевъ, и просить нашихъ боговъ, чтобъ оные предали забвенію. Потомъ удвоилъ я мой караулъ и немедленно заперся въ задніе мои покои съ Царевою, моею супругою, и съ тремя или четырьмя первыми моими придворными, которые не хотѣли меня оставить въ моемъ отчаяніи.

Сынъ мой, приготовивъ все надобное къ намѣренному пути, подошелъ къ Принцессѣ Дижарѣ, говорилъ ей, любезная моя сестрица, вы знаете сколь разъярилась на насъ Гюхюллеру; мы здѣсь въ безо-

безопасности жить не можемъ, пойдемъ вмѣстѣ искать способовъ для избавленія отъ такихъ жестокихъ угрозъ себя и нашихъ родителей. Славный духъ Жеонга, покровитель всѣхъ нещастныхъ, живетъ въ великолѣпномъ домѣ у подошвы горы (*) Юбаль-Ассюмумы. Я принялъ намѣреніе, пока отецъ мой заключенъ будетъ въ своемъ дворцѣ, итти требовать помощи у сего царя духовъ. Поѣдемъ, любезная моя Дижара, и въ такомъ платьѣ, которое природу нашу таило, отвратимъ зло, которое

(*) То есть ядовитая гора; ибо земля на оной приводитъ запахомъ своимъ всѣхъ мимоходящихъ въ превеликое уныніе, да и языкъ чернымъ отъ того становится, и сія чернота вѣчно уже такъ останется: чего ради весьма рѣдко приближаются къ сей горѣ, которая лежитъ между Корассаномъ, Китаемъ и нѣкоторою частію Индіи.

торое навлекли на наши головы нещастные наши братья.

Абузаидъ и Дижара при отъѣздѣ своемъ съ нами простились. Будучи же въ дорогѣ больше мѣсяца, пріѣхали они на пространное поле, изрытое многими потоками; какъ жаръ былъ тогда чрезвычайной, а вдали находился весьма густой лѣсъ, то они гораздо въ оной въѣхавъ легли подъ тѣнью для отдохновенія, и съ двумя невольниками, изъ которыхъ вся ихъ свита состояла, какъ услышали нечаянно преужасной стукъ, какъ бы отъ превеликаго камня, которой котился сверьху горы. Они глядѣли на всѣ стороны, не примѣтя однако, откуда бы сей стукъ происходилъ; но вошедъ подалѣ въ лѣсъ узнали они, что оной происходитъ изъ нѣкоторой ямы, покрытой

той весьма малымъ камнемъ и запечатаннымъ по всѣмъ четыремъ угламъ печатью, въ которой было изображено имя великаго (*) Саломона. Тогда услышали они, что испужавшій ихъ прежде сего стукъ на́чалъ уменьшаться, а пото́мъ слышны были слѣдующія жалобы: Невѣрной Зелулу! надлежитъ ли тебѣ во зло употреблять Саломонову печать, чтобъ держать меня заключеннымъ въ сихъ мѣстахъ, и долго ли сидѣть нещастному Жеонгѣ во внутренностяхъ земли, не заслуживъ такой нещастной судьбины!!

Услышавъ имя Жеонги, дѣти мои обрадовались несказанно: царь ду́ховъ, вскричалъ ему Абузаидъ, скажи только мнѣ, что дѣлать

(*) Восточные народы великія тайности приписываютъ печати Саломоновой.

надобно: нещастной Принцъ готовъ тебѣ во всемъ помогать не щадя живота своего. Подними только, отвѣчалъ ему духъ, сей камень, снявъ, какъ возможно, искусненько изображенную печать великаго Саломона. Абузаидъ крайнѣ обрадовавшись снялъ печать безъ повреждения, такъ какъ точно ему приказывалъ духъ; послѣ чего тотчасъ поднялся густой дымъ даже до облакъ, и распространяясь около ямы, здѣлалъ столь великой туманъ, что Принцъ и Принцесса не могли другъ друга видѣть.

ДЕСЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ЧАСА.

Здѣлавшаяся въ лѣсу вдругъ чрезвычайная темнота, привела Принца и Принцессу въ превеликой ужасъ; но туманъ сгустясь вмѣ-

стѣ,

стѣ, превратился во мгнованіе ока въ твердое тѣло, въ которомъ предсталъ имъ оной духъ.

Абузаидъ и Дижара бросились тотчасъ къ его ногамъ: мы хотѣли было, говорилъ ему Принцъ, мой сынъ, итти до вашего жилища, я надѣялся, что и не подвергая себя печальнымъ слѣдствіямъ отъ горы Юбаль-Ассюмумы, дверь бы мнѣ отворилася помощію нѣкоторыхъ словъ, которымъ напредь сего выучилъ меня Жогю (*) Каікоскао,

(*) Жоги у Индѣйцовъ на подобіе странствующихъ, или пустынножителей, которые ищутъ обыкновенно пустыни и уединенія. Они питаются милостынею и за ихъ мнимую святость бываютъ въ великой славѣ и почтеніи; ибо они по нѣскольку дней препровождаютъ весьма въ строгомъ воздержаніи, а иногда безъ пищи и питія. Многіе изъ нихъ стоятъ по нѣскольку лѣтъ безотходно при

и безЪ которыхЪ всякій смертный, которой на сіе отваживается, приходитЪ вЪ ужасное уныніе гораздо несноснѣйшее, нежели и потеряніе жизни.

Я благодарю Бога, перервалЪ духЪ его рѣчь, что онЪ привелЪ васЪ вЪ сіи мѣста для возвращенія моей вольности, которой лишилЪ меня проклятой Зелулу, тому около двенатцати лѣтЪ, однако я за такую большую услугу не благодарнымЪ не останусь. Сей

при дверяхЪ капища совсѣмЪ нагіе, и сносятЪ всякую непогоду, не оставляя своего мѣста ни на одинЪ часЪ, кромѣ исправленія естественной нужды, однако со всѣмЪ тѣмЪ наибольшая часть изЪ оныхЪ бываютЪ великіе обманщики, и не столько славу себѣ получаютЪ отЪ ложной своей святости, какЪ отЪ дѣйствія нѣкоторыхЪ травЪ и каменьевЪ, которыхЪ силу узнали они таскаясь повсюду, и которыми они народЪ ослѣпляютЪ.

Сей проклятой духЪ, продолжалЪ Жеонга, для отмщенія мнѣ за то, что я часто уничтожалЪ злыя его предпріятія противЪ молодыхЪ ПринцовЪ и ПринцессЪ, которыхЪ онЪ гналЪ и мучилЪ для собственнаго своего удовольствія, поступилЪ вЪ томЪ слѣдующимЪ образомЪ: какЪ онЪ зналЪ, что его сила и власть противЪ моей гораздо меньше и ниже, то конечно надобно думать, что онЪ своею хитростію укралЪ у добродѣтельнаго Царя Зифа печать великаго Саломона, которую сей употреблялЪ на одну только пользу: и такимЪ образомЪ получивЪ оную вЪ свои руки, пришелЪ онЪ ко мнѣ просить у меня прощенія во всѣхЪ прискорбностяхЪ, которыя онЪ многократно дѣлывалЪ находившимся подЪ моимЪ покровительствомЪ, и просилЪ меня, чтобЪ я принялЪ

 его

его въ свое дружество, съ такимъ по видимому чистосердечнымъ увѣреніемъ, что я не могъ ему въ томъ отказать.

Послѣ нашего примиренія гуляли мы въ семъ лѣсу, и приведши меня не чувствительно къ сему мѣсту, сѣлъ онъ на краю сей глубокой ямы; потомъ сей плутъ, которой старался только меня поймать , взявъ у меня посмотрѣть бриліантовое ожерелье, которое я носилъ всегда на шеѣ, уронилъ нарочно, будто бы не взначай въ оную яму. Я тотчасъ туда бросился, чтобъ его поднять, а онъ того то и желалъ, и тотчасъ закрылъ яму симъ камнемъ и запечаталъ печатью великаго Саломона. Разсуди Принцъ о моемъ удивленіи, продолжалъ Жеонга , тщетныя и безполезныя мои старанія , чтобъ

вытти изъ сей темницы, ясно мнѣ доказывали, что какая нибудь вышняя сила мнѣ въ томъ препятствовала, и сіе мѣсто въ такой глуши стало, что я считалъ пробыть тутъ многіе вѣки. Но какъ столь мало ожиданною вольностію должествую я вамъ, то смѣло можете вы надѣяться, что и благодарность моя къ вамъ будетъ безконечная.

Духъ, продолжалъ Бадуръ, открывъ моему сыну, что ему причина его опасности не безъизвѣстна, предупредилъ его самъ о помощи, которой они отъ него ожидали.

Смерть вашихъ братьевъ, говорилъ онъ, была справедлива, и Гюхюллеру неотмѣнно должна была жертвовать сихъ убійцъ тѣни своего мужа; но я жестокой ея гнѣвъ

укрочу,

укрочу, и отъ сего времени вы не имѣете ничего опасаться отъ ярости сея Принцессы.

Потомъ положивъ опять камень на отверстіе ямы, утвердилъ по прежнему наономъ и печать Саломонову, дабы Зелулу не могъ догадаться о его уходѣ; и своею силою здѣлавъ тамъ такой же шумъ, какой происходилъ и во время его заключенія, обнявъ Принца и Принцессу, и поднявшись на воздухъ разсѣкая оной съ не вѣроятною скоростію, поставилъ ихъ на прекрасной лугъ на самой границѣ моихъ земель. Я васъ прежде не покину, сказалъ онъ имъ, пока не здѣлаю васъ щастливыми; но какъ надобно мнѣ укрываться отъ Зелулу, чтобъ унести у него Саломонову печать, то я въ такомъ образѣ предъ вами являться не

буду; а заключу себя въ маленькой ларчикъ, которой прекрасная Дижара можетъ легко всегда носить при себѣ; и ежели когда я вамъ для чего либо понадоблюсь, то вы только лишь объ ономъ подумайте, а я въ тотъ же часъ повелѣніе ваше и исполню. Потомъ духъ превратился въ дымъ, и Принцесса, моя дочь, нашла у своихъ ногъ золотую коробочку и съ такою же цѣпочкою; она тотчасъ ея открыла и съ превеликимъ удивленіемъ видѣла въ оной сквозь хрусталь всѣ внутреннія человѣческія части и повѣсила ея къ поясу.

Духъ, продолжалъ Бадуръ, одѣлъ моихъ дѣтей въ богатое платье, и не приказалъ имъ больше скрывать своего имени: они ужè такимъ образомъ проѣхали нѣсколько городовъ моего владѣнія, какъ въ

одинъ

одинъ вечеръ пріѣхавъ въ не большую деревню, гдѣ принудила ихъ остановиться темная ночь, въѣхали они на одинъ дворъ, которой тутъ казался быть лучшимъ. Хозяинъ принялъ ихъ весьма учтиво, но въ самое то время, какъ вошли они въ приготовленной для нихъ покой, три Китайца хотѣли было оной занять для нѣкоторой госпожи, которая дожидалась у воротъ. Сынъ мой какъ скоро о себѣ объявилъ, что онъ Принцъ Каорскій, то сіи три человѣка уступили ему тотчасъ мѣсто, вышли изъ онаго дому и сыскали для госпожи иную квартиру.

Мои дѣти послѣ ужина легли на постели, и были уже въ глубокомъ снѣ, какъ прежніе три Китайца, вышепомянутая госпожа, то есть Гюхюллеру съ своимъ братомъ

томъ и прочими служителями пришли къ воротамъ того дому, гдѣ былъ Абузаидъ съ Дижарою. Гюхюллеру отъ радости внѣ себя была, услыша, что они отъ нея столь близко; но желая дать имъ время, чтобъ они заснули, и погодя нѣсколько, какъ разсудилось ей, что уже они наслаждались спокойнымъ сномъ, велѣла постучать у двора, гдѣ они стояли.

Лишь только хозяинъ онаго дому ворота отворилъ, то тотчасъ поставили ему къ горлу кинжалъ, угрожая его умертвить, ежели онъ хотя малой шумъ здѣлаетъ. Намъ только надобны, говорила ему Гюхюллеру, два измѣнника, которыхъ ты укрылъ въ своемъ домѣ, и которые называются дѣтьми Царя Каорскаго. Отдай ихъ нашему отмщенію, естьли же того

не

не здѣлаешь, то самъ сей же часъ погибнешь. Испужавшійся хозяинъ принужденъ былъ ихъ проводить въ покой къ Абузаиду и Дижарѣ, оплакивая самъ въ себѣ печальной ихъ жребій, котораго они по видимому избѣжать не могутъ.

Цареву Нанганскую, какъ она сама мнѣ послѣ призналась, тревожили тогда ужасныя мысли, и она мучилась угрызеніемъ совѣсти за такое безчеловѣчное дѣло: забудь что ты женщина, помышляла она въ то время сама въ себѣ, или по крайнѣй мѣрѣ вспомни, что ты женщина обруганная; потомъ давши одинъ кинжалъ Кіагію, а другой взявъ сама, вошли они въ покой къ моимъ дѣтямъ, и хотя дрожащею рукою, однакожъ намѣрены были исполнить безчеловѣчное свое предпріятіе: какъ взглянувъ

оба они на лица тѣхъ особъ, которыхъ хотѣли они умертвить, почувствовали, что руки ихъ удерживала потаенная сила.

Никогда Гюхюллеру въ такомъ изумленіи не была, какъ смотря на прекрасное лицо Абузаида; а красота Принцессы Каорской столь сильно плѣнила Кіагія, которой хотѣлъ ей пронзить сердце, что и кинжалъ изъ рукъ вонъ выпалъ.

Гюхюллеру не столь было скоро пришла въ слабость, но духъ Женонга, которой наблюдалъ о спасеніи моихъ дѣтей, тотчасъ умягчилъ ея сердце; она разбудила моего сына и говорила ему: благодари тайному нѣкоему движенію, которое меня обезоруживаетъ, желаніе моего мщенія исчезло, и я чувствую, что сердце мое умягчилось

лось въ самое то время, когдабъ надлежало ему ожесточиться. Потомъ оборотясь къ своему брату: а ты любезной мой Кіагія, я ужѐ довольно вижу, что сильно заразился красотою Принцессы. Сколь довольна я щастливою сею взаимною склонностію! Я бы умерла съ печали, когдабъ ты совершилъ половину не справедливаго нашего намѣренія, и я начинаю чувствовать, что я ужѐ чрезъ мѣру свирѣпство свое распространяла: самые виноватые по достоинству наказаны, и смерть моего мужа довольно отмщена.

Дижара пробудившись въ сіе время, крайнѣ испугалась, видя у себя въ покоѣ столько не знакомыхъ; сильной царь духовъ, вскричала она, подай намъ скоро твою помощь.

Какъ

Какъ скоро лишь она сіи слова̀ промолвила, то золотая коробочка сама собою открылась, и горница наполнилась дымомъ, которой мало помалу пропадая, представилъ ихъ глазамъ сильнаго Жеонга. Толь нечаянная помощь привела въ превеликой ужасъ Гюхюллеру и Кіагія, и они начали было опасаться о потеряніи живота своего; однако духъ съ чрезвычайною кротостію обнадежилъ ихъ, чтобъ они ничего не опасались.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

